

ИГУ

АРХЕОЛОГИЯ-1976-АПРЕЛЬ

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

ИРКУТСК

МИНИСТЕРСТВО ВЫШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
Иркутский государственный университет имени А.А. Жданова

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Секция археологии

Тезисы докладов
8-10 апреля 1976 г.

Иркутск
1976

Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета ИГУ

Материалы по археологии Сибири, представленные в тезисах, вводят в научный оборот новые интересные сведения по древней истории Северной Азии в обширном хронологическом диапазоне от палеолита до средневековья. Оригинальные материалы и исследования большого коллектива археологов, в составе которого большой процент студентов, в достаточной степени отражают современный уровень развития археологической науки Восточной Сибири.

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Г.И.Медведев,
И.Л.Лежненко, В.С.Зубков, О.И.Горюнова

Ответственный за выпуск: Н.А.Савельев

Г.И.Медведев
Иркутский государственный
университет им.А.А.Ханова

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА НА ЮГЕ СИБИРСКОГО ПЛОСКОГОРЬЯ

1. Состояние изученности

а) Географическое картирование. На территории от Енисея до Байкала только в Южном Прибайкалье (верхнее Приангарье, верхняя Лена) мы имеем относительный концентрат объектов, способных в той или иной степени осветить различные отделы древнейшей истории человечества от раннего палеолита до неолита значительно. На запад от Приангарья вплоть до долины Енисея исследуется лишь один памятник докерамического времени - Стрижова Гора в Канско-Енисейской лесостепи.

б) Полевая изученность. Термин применим лишь к местонахождениям Южного Прибайкалья. Однако, и здесь состояние полевой изученности весьма разнообразно. Поверхностные сборы и зачистки обнажений, шурфовка и масштабные вскрытия различной площади - обуславливают разнохарактерность археологического, геологического, палеонтологического, палинологического обоснований. Это значительно снижает, а иногда исключает, возможность корреляционных операций.

в) Введение материала в научный оборот оставляет желать лучшего как по общему объему публикаций, так и по их качеству (произвольность описательного аппарата, категоричность суждений, низкая квалификация чертежно-рисовальных работ и т.д.).

2. Перспективы исследований

Взгляд на перспективы изучения палеолита в южных регионах Сибирского плоскогорья в настоящее время, вероятно, наиболее оптимистичный, чем несколько лет назад. Прежде всего, в состав общей проблематики на правах полной автономии вошла большая тема раннего палеолита, до недавнего времени попросту не мыслившаяся для Восточной Сибири. Теперь в активе археологов по меньшей мере, два раннепалеолитических комплекса различной хронологии (возможно, культур), представленных сери-

ей местонахождений в Южном Приангарье; на верхней Лене, вероятно, открыт комплекс наиболее ранней поры позднего палеолита; в Южном Приангарье фиксируются два относительно синхронных позднепалеолитических комплекса различного генезиса (Мальта - Буреть; Красный Яр - УП-У1 горизонты). Наконец, как-будто, появились первые наметки методики полевого поиска памятников палеолита возраста выше 25 000 л.н. Есть основания надеяться, что в ближайшие 2 года поисковые работы в долинах рек Оки, Уды, Бирюсы, Кана откроют интересные палеолитические ансамбли, дислоцированные вдоль Саянской депрессии - основного возможного "коридора" древних миграционных движений на юге Сибирского плоскогорья.

3. Ближайшие задачи

Основной задачей является выявление и максимально полное изучение сети местонахождений с оптимальным содержанием комплексной информации по археологии и естественным дисциплинам. Выполнение этой задачи должно исключить случайность интерпретации материалов различными исследователями и позволить осуществление типологической идентификации и общесторической оценки на полной основе. Но успех выполнения намеченной задачи заключается не только в отработке методики поиска, но и в усовершенствовании приемов работы при масштабном вскрытии. Для этого следует в кратчайшие сроки завершить работу по номенклатурному аппарату моделей индустрий каменного инвентаря и перевести весь объем раскопочной фиксации из сферы дневниковых записей на перфокартование. Это интенсифицирует рабочий процесс, упорядочит и систематизирует его, явится стимулятором теоретического обобщения.

В плане сугубо теоретическом необходимо выработать четкую позицию относительно возможности или невозможности применения терминов "ашель", "мостью", "леваллуа" и т.д. Нельзя становиться в позу негативного отрицания и утверждать "свой", "особый" палеолит, но и нет оснований во всех случаях базово-вороно принять категории западноевропейского палеолитоведения в силу лишь утверждения о глобальности форм древнейшего технического примитивизма. Но для этого сначала необходим оптимальный статистический набор каменного инвентаря палеолитических ансамблей Прибайкалья, достаточно то же по-

казатели возраста, синхронизация и идентификация с известными, прежде всего, азиатскими, комплексами.

Не менее актуальна проблема позднего палеолита. До сих пор она решалась (если так можно говорить) на характеристиках самых финальных комплексов и стоящей особняком, более древней мальтинской культуры. Возможно потому и возникла идея отрицания "верхнего палеолита" в Сибири и врастания "мостью" вдво ли не в мезолит. Ведь минимум две трети "положенного" позднему палеолиту времени на его изначальное развитие совершенно не представлено в вещественном исполнении. Те же крохи, которые имеются сейчас в распоряжении археологов предсказывают предстоящее открытие памятников не менее удивительных, чем Мальта и Буреть.

Я не касаюсь в докладе проблемы степени причастности тематики палеолита юга Сибирского плоскогорья (или даже юга всей Восточной Сибири) к трансконтинентальной проблематике. Она представляется мне вопросом рабочего порядка. Более важно и, я считаю, первостепенно наладить "внутриконтинентальное" взаимодействие межрегионального плана, которое позволило бы решать вопросы палеолитической проблематики коллективно, в одном ключе, в пределах всей Северной Азии.

С.Н.Алаев, М.А.Бердников,
Г.И.Медведев
Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

НОВЫЕ НАХОДКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ В АНГАРО-ОСИНСКОМ РАЙОНЕ

Летом 1975 г. Ангарским палеолитическим отрядом КАЗ ИГУ проводились разведочные работы на юном берегу Осинского залива Братского водохранилища, в ходе которых был собран каменный материал с поверхности Игтейского и Тарахайского пляжей, разделенных Шебутыским заливом, а также в шурфах и зачистках на горе Игтей. Общая протяженность обследованных участков составляет около 7 км.

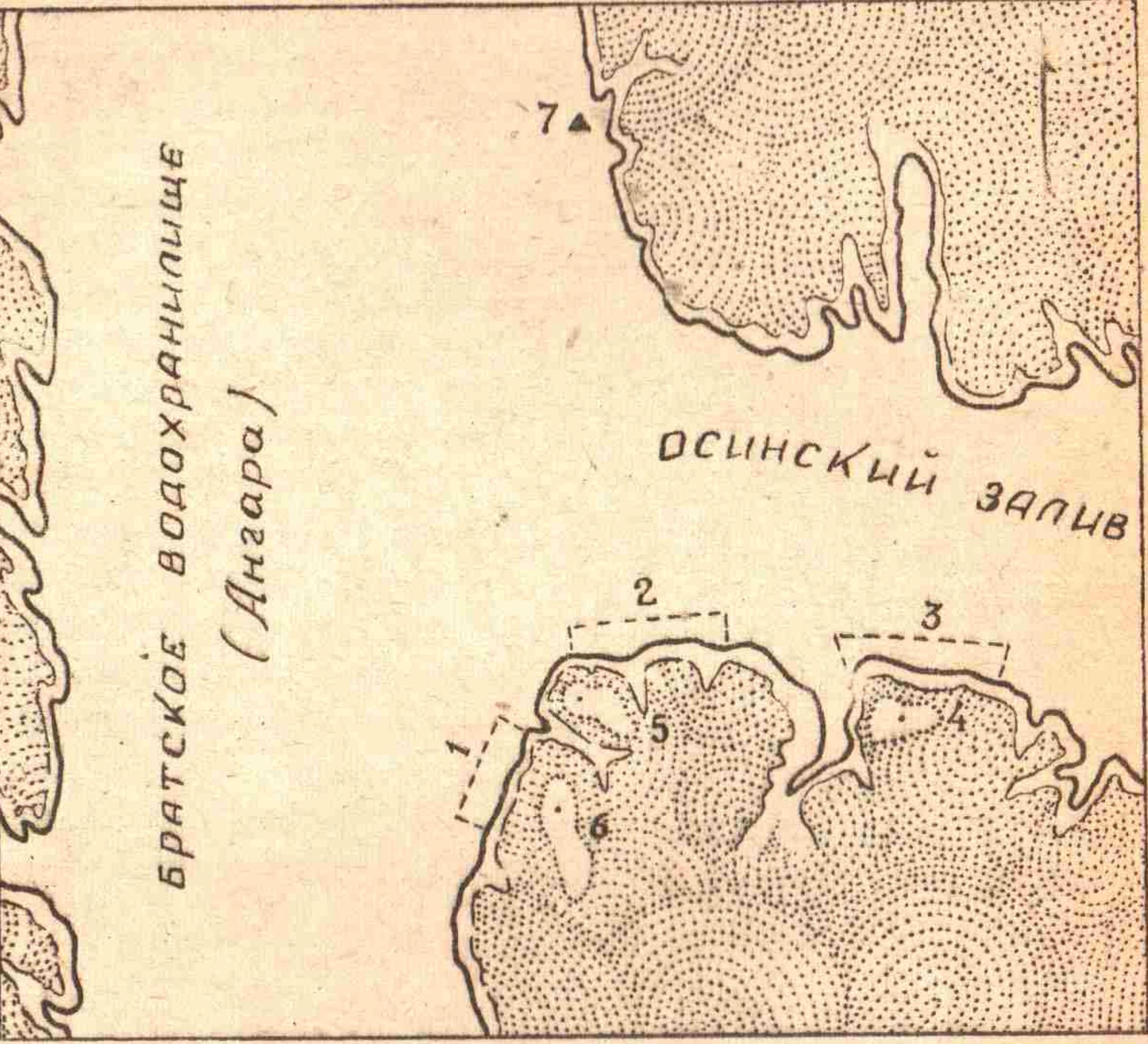

Рис. I

I - Байганская пляж, 2 - Игетейский пляж, 3 - Тарахайский пляж, 4 - гора Тарахай, 5 - гора Игетей, 6 - гора Лысая, 7 - место расположения стоянки Красный Яр

Подъемный материал, собранный на Игетейском пляже, представлен 45 предметами, 40 из них выполнено из кварцита. Все предметы из кварцита несут на себе следы эоловой эрозии, и по степени выветрелости могут быть разделены на две группы:
а) предметы, подверженные одной фазе эоловой обработки;
б) предметы, перенесшие несколько фаз ветровой эрозии, распространенной на всю поверхность.

К первой группе относится большинство найденных предметов (30 экземпляров), которые, по всей вероятности, можно сопоставить с находками в шурфе №4 на горе Игетей в кровле отложений, предварительно датируемых "каргинским" межледниковьем. Поскольку предметы, найденные в шурфе, лежат в той части кровли, которая подвержена сильной солифлюкции, то возможно предположить захват этих предметов с вышележащих уровней склона и считать их более древними, что, конечно, требует тщательной проверки.

Предметы, относящиеся ко второй группе, мы считаем происходящими из галечника, лежащего ниже "каргинской" почвы на 3,5-4 м, снесенного по склону горы Игетей, вероятно, в конце зырянского оледенения. Это указывает только на время первоотложения материала, происхождение же этих находок несомненно должно быть более древним.

Предметы, выполненные из кремня, не несут на себе следов эоловой эрозии и, по всей вероятности, могут быть привязаны к находкам из ложкового заполнения горы Игетей, не имеющим следов эоловой обработки и залегающим в кровле "каргинской" почвы. Т.о., они относятся к верхнему палеолиту и, по-видимому, не к самой ранней его стадии.

Материал, собранный с Тарахайского пляжа малочислен. Представлен полностью изделиями из кварцита и также может быть разделен по степени выветрелости на две группы, аналогично делению материала Игетейского пляжа.

В обоих местонахождениях присутствуют так называемые "конвергентные" чопперы (рис.2). Эти изделия несут на себе следы сильной эоловой эрозии и могут быть отнесены к "галечному" горизонту. Подобные изделия найдены и на Байганском пляже, расположенном в 3 км к западу от Игетея. Наличие этих изделий интересно тем, что подобные формы не обнаружены в составе инвентаря раннепалеолитических местонахождений Ангаро-Больского и Ангаро-Идинского районов, в принципе синхронных игетейским, байганским и тарахайским находкам.

Остеологический материал в поверхностных сборах представлен остатками мамонта, быка и лошади.

Дальнейшие исследования в этом районе представляются весьма перспективными, поскольку дают возможность одновременного изучения трех разновозрастных палеолитических комплексов.

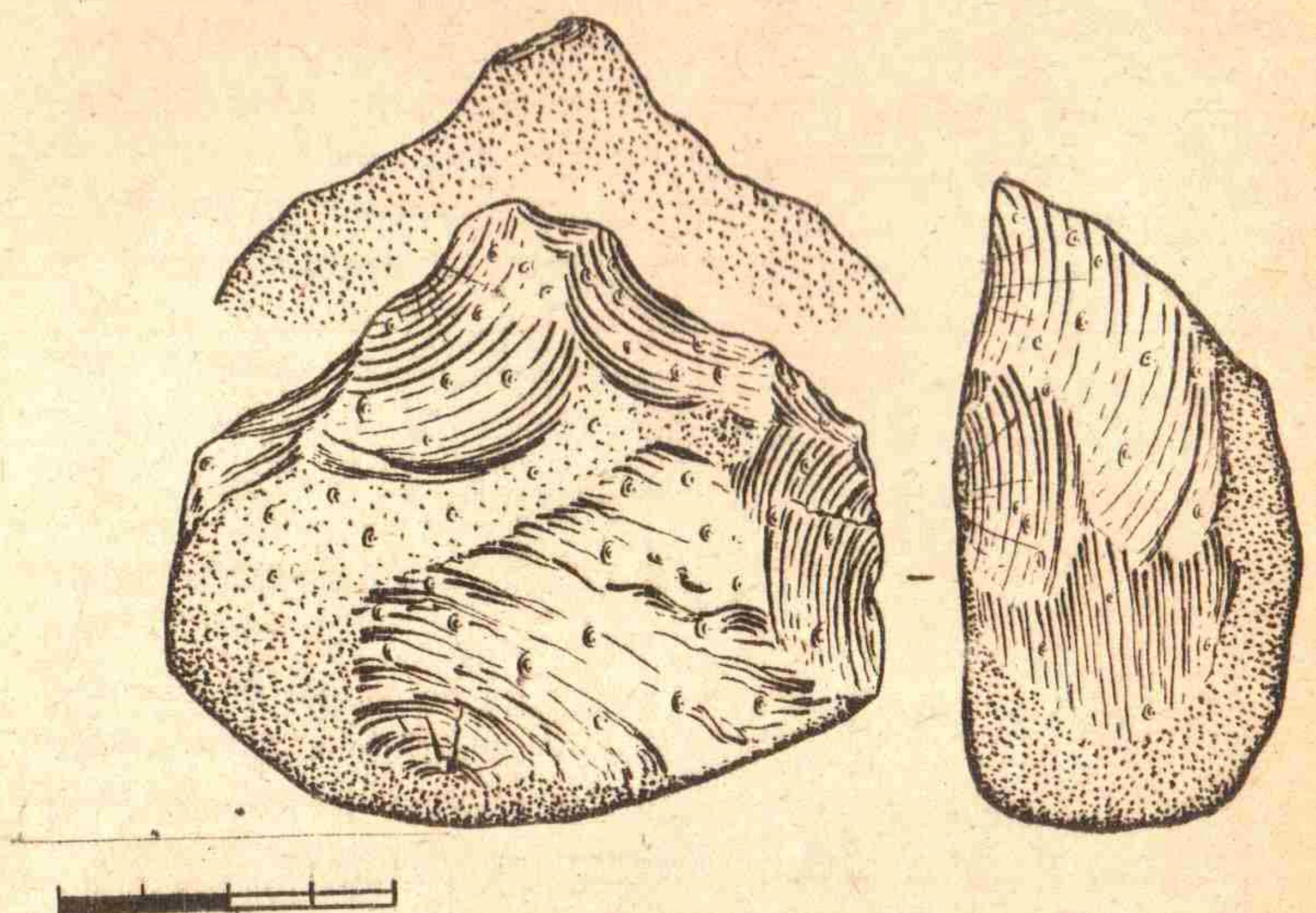

Рис.2

И.Л.Лежненко, Т.Н.Кононова
Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

ТАРТАХОН - НОВЫЙ ПАМЯТНИК ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА НА БРАТСКОМ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

Летом 1975 г. во время рекогносировочных работ, производимых Ангарским палеолитическим отрядом КАЗ ИГУ в Осинском заливе Братского водохранилища, обнаружено новое местонахождение палеолитического возраста, получившее свое наименование по названию местности - Тартахон.

Памятник расположен в 8-10 км к западу от пос. Усть-Алтан на южном берегу Осинского залива Братского водохранилища. Археологический материал собран на поверхности пляжа техногенного происхождения, образованного при размыте террасы, поряд-

ковый номер которой установить в настоящий момент не представляется возможным, либо полого склона левого борта долины р. Осы. Высота уступа размыва в период максимума подъема воды не превышает 1-1,5 м.

Основную массу поверхностных сборов составляют отщепы и осколки, односторонне и двусторонне оббитые куски и гальки кварцита. Среди отщепов имеются отдельные экземпляры со следами утилизации. Собственно изделия представлены 7 экземплярами скребел из отщепов кварцита с модификацией контуров лезвий от прямой до выпуклой. Обработка унифициальная, произведена ударной, непрерывной, разнофасеточной крутой ретушью без предпочтительной ориентации. В единственном экземпляре найдено массивное орудие из гальки кварцита с бифасальной оббивкой дугообразного выпуклого лезвия и *pièce esquillée* из отщепа мелкозернистого кварцита.

При зачистке обнажения отдельный предмет - отщеп кварцита - был зафиксирован *in situ* на глубине 50 см от поверхности в отложениях карбонатного слоя суглинка темно-кирпичного цвета, начинающегося под почвенным горизонтом мощностью до 20 см. При последующей расщурковке памятника находки в нем обнаружить не удалось. Это требует тщательных повторных разведочных земляных работ с целью обнаружения площади концентрации находок и на его основе более точной стратиграфической привязки комплекса. Датировка последнего проблематична. Если будущие исследования покажут, что весь комплекс предметов, собранных на пляже, вместе с остатками плейстоценовой фауны - мамонт, северный олень, происходит действительно из карбонатного горизонта, то возраст этого неэродированного комплекса с присутствием отдельных слабо патинизированных предметов (фиксирующегося в полосе размыва на данном участке на протяжении почти 15 км с отдельными пунктами локализации) можно будет считать позднепалеолитическим и поместить в среднесартанский отдел позднего плейстоцена.

В плане типологического сопоставления тартахонский комплекс находит аналогии комплексу, собранному Г.И.Медведевым и Н.И.Дроздовым в 1970 г. в пади Изотиха на бывшем правом ангарском берегу в 3 км ниже палеолитической стоянки Красный Яр. Здесь также были найдены архаичные нуклеусы, скребла, сопровождаемые фаунистическими остатками мамонта и носорога.

В.М.о.Гусайнов, В.В.Есипов,
М.В.Шуньков
Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

МАКАРОВО III - ПАМЯТНИК ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА
НА ВЕРХНЕЙ ЛЕНЕ

В 1975 г. полевые исследования на позднепалеолитическом памятнике Макарово III, в основном, были закончены.

Остатки материальной культуры заключены в толще склоновых слоистых отложений и дислоцируются на уровне III надпойменной террасы (23-27 м над уровнем р.Лены).

Слоистость рыхлых отложений согласуется с общим наклоном правого склона пади Ессейский ручей, на устьевом мысу которой расположен данный памятник.

Ритмичная слоистость вмещающих отложений нарушена криогенными явлениями: двумя генерациями морозобойных трещин - эпигенетичных по отношению к "культурному слою" и несколькими уровнями солифлюкции.

В процессе склоновых движений культурные остатки были перемещены с мест первоначального нахождения и залегают в переотложенном состоянии на глубине 1,2-3,6 м от современной поверхности.

На вскрытой площади (более 300 кв.м) собрано 800 предметов из камня, 86% которых составляют "отходы производства".

Среди морфологически определимых изделий выделяются: группа нуклеусов, представленная 15 экземплярами, 10 скребел, 11 скребков, 3 отщепа с ретушированной выемкой, 7 прошлотов, 2 остроконечника, 2 отщепа со следами разновых сколов, а также 10 чопперов. Кроме того, в коллекции 2 целых и 26 фрагментов пластин. Из 27 отщепов в коллекции более половины несут следы употребления в работе.

Культурные остатки сопровождаются позднеплейстоценовой фауной. Определены следующие виды: мамонт, шерстистый носорог, северный олень, благородный олень, дикая лошадь, горный баран, снежный баран, медведь, волк, грызуны (определение Л.Н.Иваньева).

Результаты споро-пыльцевого анализа указывают на то, что отложения, являющиеся первичным заполнением морозобойной трещины древней генерации, в которое были занесены и культурные остатки, формировались в период, когда существовал открытый ландшафт (пыльца трав - 52%), разнообразившийся островами хвойного леса (пыльца темнохвойных - 37%).

Дальнейшее заполнение трещин, в которое с положительных форм рельефа продолжали поступать и культурные остатки, происходило в период резких изменений климатических условий в сторону похолоданий и увлажнения. Хвойные леса деградировали, господствовали бересковые кустарниковые формации и разнотравные луга. Затем климат оставался холодный, но сухой. Господствовали холодные степи. Эти отложения уже не связаны с культурными остатками. Пыльцевые спектры вышележащих отложений коррелируются с палинологической характеристикой более позднего памятника этого района Макарово II. Формирование отложений, заполняющих трещины, вероятнее всего происходило во вторую половину позднего плейстоцена (определение Л.А.Филимоновой).

Комплекс геологических, стратиграфических, палеонтологических и палинологических данных позволяет предположить, что культура Макарово III существовала в каргинское межледниковье, вероятнее в конце этого периода (30-25 тыс.л.н.).

Анализ археологических данных и сравнение их с материалами других памятников дают основание считать Макарово III одной из ранних стадий развития позднепалеолитической (макаровской) культуры верхней Лены.

Аксенов М.П., Шуньков М.В.
Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

МАКАРОВО IУ - НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК
ВЕРХНЕЙ ЛЕНЫ

В 1975 г. Ленской партией КАЗ ИГУ были начаты исследования нового палеолитического памятника Макарово IУ, расположенного

женного в 1,5 км восточнее ранее исследованного комплекса Макаровских стоянок.

Новый памятник дислоцирован на 35-40-метровой (IY?) ленской террасе. Культурный слой связан с тонкой прослойкой (2-5 см) мелкой окатанной гальки, заключенной в средней части пачки горизонтально-слоистых полихромных чередующихся прослоек песков и супесей, залегающей на глубине 1,4-2,2 м от современной поверхности. Инситное залегание культурных остатков частично нарушено криогенными процессами. Предварительно возраст вмещающих отложений может быть определен первой половиной каргинского межледникового комплекса.

В коллекцию каменного инвентаря стоянки входит 275 предметов из кремня и кварцита, 49% которых - отходы производства.

Нуклеусы представлены 12 экземплярами параллельного и субпараллельного принципа скальвания, с преобладанием последнего. Все нуклеусы по принципу расщепления могут быть условно определены как "леваллуазские". Призматические нуклеусы и снятые с них заготовки отсутствуют.

В группу заготовок входят 3 целые пластины со следами ретуши утилизации, 36 обломков пластин, представленных различными сегментами. Условно в группу заготовок включено и 68 отщепов. Большинство обломков пластин, а также 42% отщепов несут следы употребления их в работе.

Собственно орудия представлены листовидным остроконечником с бифасиально уплощенным основанием, двумя проколками из отщепов, 5 ретушированными сегментами пластин, обломком остроконечника, обломком скребла, 7 чопперами.

Все каменные изделия несут следы значительной эоловой эрозии, исключающей трасологическое исследование, а, следовательно, и определение их функционального назначения.

В целом анализ археологического материала Макарово IY указывает на значительные отличия как в технологии обработки камня, так и в морфологии каменных изделий от всего известного до сих пор в каменном веке долины р.Лены. Ряд черт, характерных для стадий, предшествующих верхнему палеолиту, а также геоморфологическая и стратиграфическая позиция и палинологическая характеристика позволяют считать новый памятник древнейшим в ленской долине. Определение культурной, фациальной принадлежности и уточнение хронологии - дело будущего.

В.М.Гуляев
Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

ИЗДЕЛИЯ ИЗ РОГА И КОСТИ В "РАННЕМЕЗОЛИТИЧЕСКИХ"
КУЛЬТУРНЫХ ГОРИЗОНТАХ СТОЯНКИ СТРИЖОВА ГОРА

В процессе раскопок 1974-1975 гг. в XIU-XUП культурных горизонтах памятника, относимых нами к начальному этапу мезолита, обнаружено несколько изделий из рога и кости. Характерно, что некоторые операции по обработке рога и кости проводились на территории стоянки. Это существенно дополняет картину жизни древнего населения долины р.Кан.

Наибольший интерес представляет рыболовный крючок (рис.I)

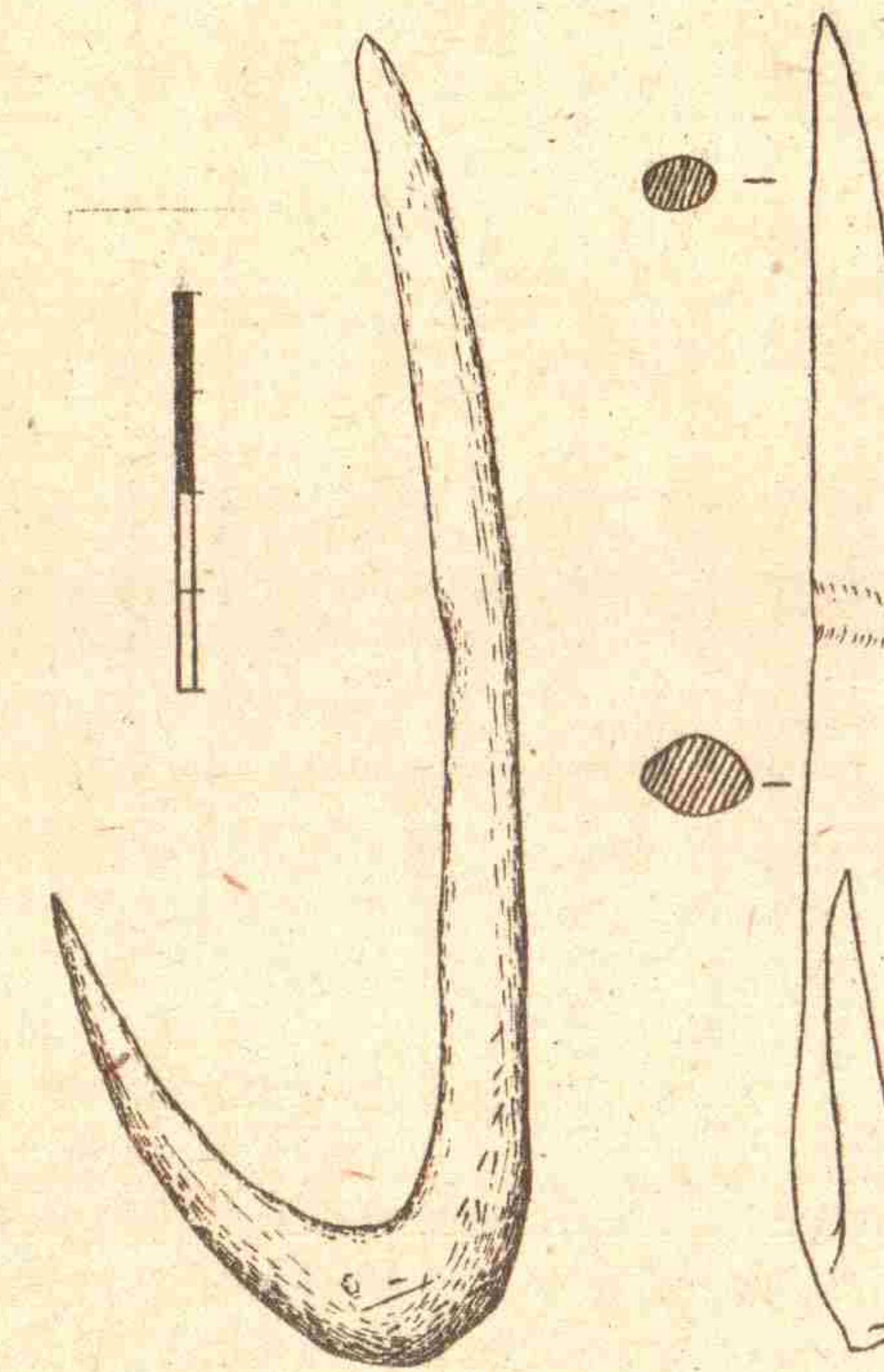

Рис.I

ти оленя, украшенным ритмично нанесенными группами косых насечек (ХУП горизонт). Плохая сохранность предмета мешает восстановлению узора в целом.

Оленьи резцы с кольцевыми надрезами на корнях (рис.4) и костяные сверленые подвески древние обитатели Стрижовой Горы, видимо, нашивали на свою одежду в качестве украшений или амулетов.

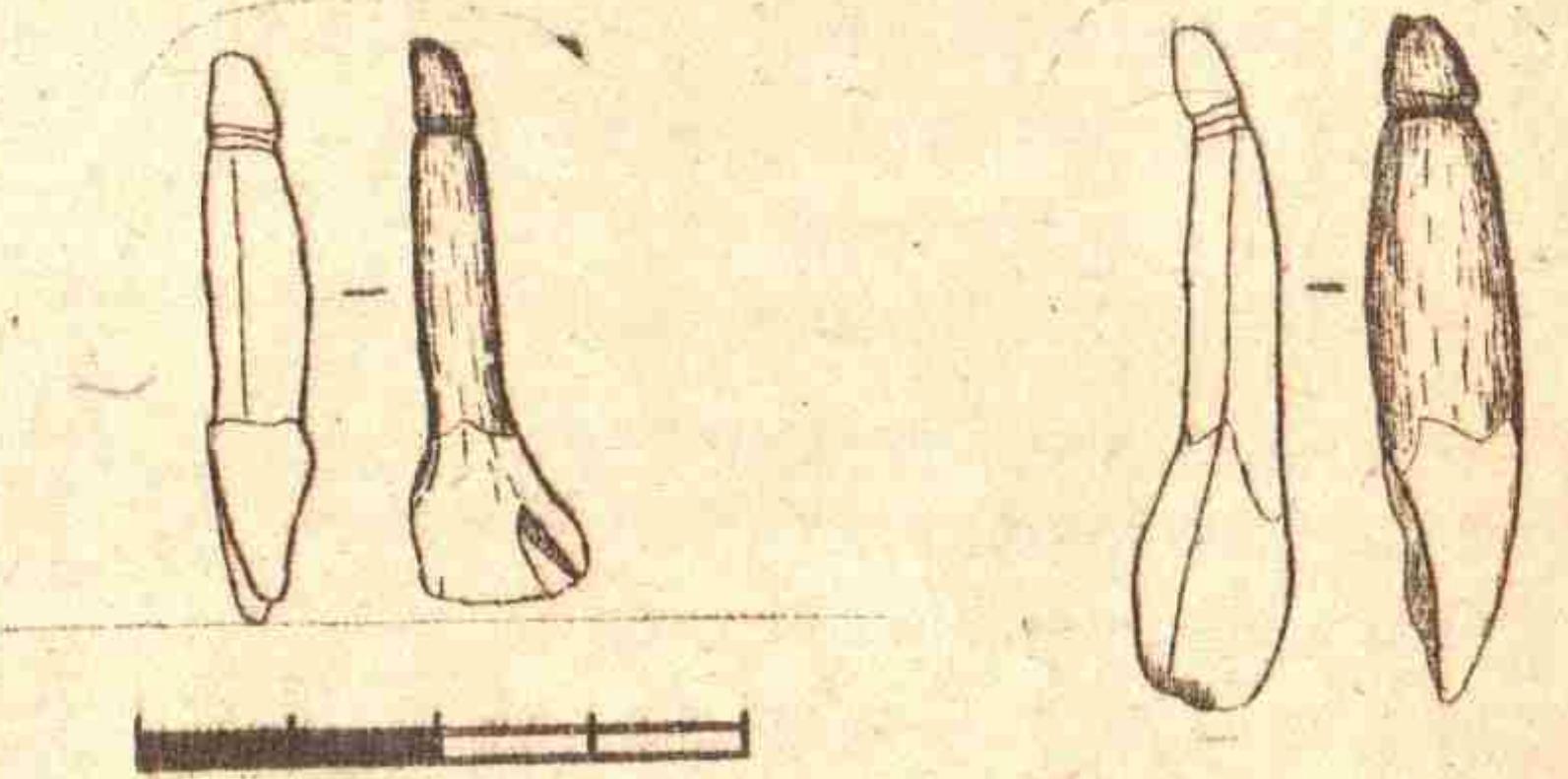

Рис.4

Предполагая местные палеолитические корни техники обработки кости и рога, мы не можем пока, к сожалению, подтвердить это достаточным фактическим материалом, как и не имеем возможности проследить эволюцию этой техники в среднем и финальном мезолите.

С.И.Лиханов, М.В.Константинов,
А.В.Константинов
Читинский государственный
педагогический институт
им.Н.Г.Чернышевского

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ТОЛБАГА В 1975 ГОДУ

Палеолитическое поселение Толбага (Забайкалье, р.Хилок) открыто в 1971 г. Раскопки производились в 1972, 1973 гг. В 1974 г. для этого поселения получена дата по кости - СОАН-810-15100⁺⁵²⁰. В 1975 г. работы производились на площади 125 кв.м. Общая вскрытая площадь достигла 343 кв.м.

Раскопки 1975 г. дали богатую коллекцию каменных изделий. Как и в старой коллекции здесь довольно большой процент орудий - 40,5%, в то время как отщепов 41,5%, необработанных пластин и фрагментов 10%, нуклеусы составляют 8%. Значительно пополнилась серия пластин и фрагментов, соответственно 137 (15,3%) и 191 (22%) экземпляр.

Большинство пластин имеет более или менее четкую прямоугольную форму, с двумя-тремя гранями на спинке, но встречаются искривленные, а также первичные или полупервичные. Размеры пластин: длина 3-16 см (7-8 см)¹, ширина 1-6 см (3-4 см), толщина 0,3-2,5 см (1-2 см). 65,7% пластин имеют дорсальную (спинки) обработку по одному или двум длинным лезвиям (маргиналы). Центральная (с брюшком) и противолежащая ретушь употребляются реже, соответственно на 4,1% и 6,3% изделий.

Находки 1975 г. дали возможность выделить в самостоятельную группу концевые скребла - 5 экз. (0,6%). Они изготовлены из пластин с ретушью не только по маргиналам, но и по нижнему выпуклому концу.

Интересной серией вновь представлены остроконечники - 17 экземпляров (1,9%) из сравнительно широких и плоских в сечении пластин листовидной формы с краевой дорсальной ретушью. Отличен от них остроконечник из более узкой с высокой спинкой пластины с дорсальной ретушью, захватывающей широкие полоски вдоль маргиналов. На 7 экземпляров (0,8%) пополнилась серия проколок. Они изготавливались из пластин и отщепов. Рабочее жалло проколки может быть более массивное или более тонкое. Оно выделяется дорсальной ретушью на нижнем конце основы. Найдено 10 разцов (1,1%), изготовленных из пластин и фрагментов. Они делятся на срединные и боковые.

Восемь изделий из крупных массивных отщепов являются скреблами. Спинка у них оббита по всей поверхности. Рабочий край оформляется крутой, иногда отвесной, ретушью на длинных сторонах или по периметру. Иногда с брюшком, как и на некоторых пластинчатых орудиях, имеется подтеска.

Серия нуклеусов пополнилась на 70 экземпляров (8%). Среди них преобладают однофронтальные, одно- и двуплощадочные,

1. В скобках указываются наиболее часто встречающиеся параметры пластин.

и гарпун (рис.2) из XIУ горизонта. Оба предмета лежали рядом. В 10 м от них зафиксировано небольшое скопление рыбных костей очень плохой сохранности.

Крючок овальной формы ($l=13,5$ см; $m=3,9$ см) без бородки и головки, изготовлен из метаподии лошади (?). На цевье имеется неглубокая выемка для привязывания.

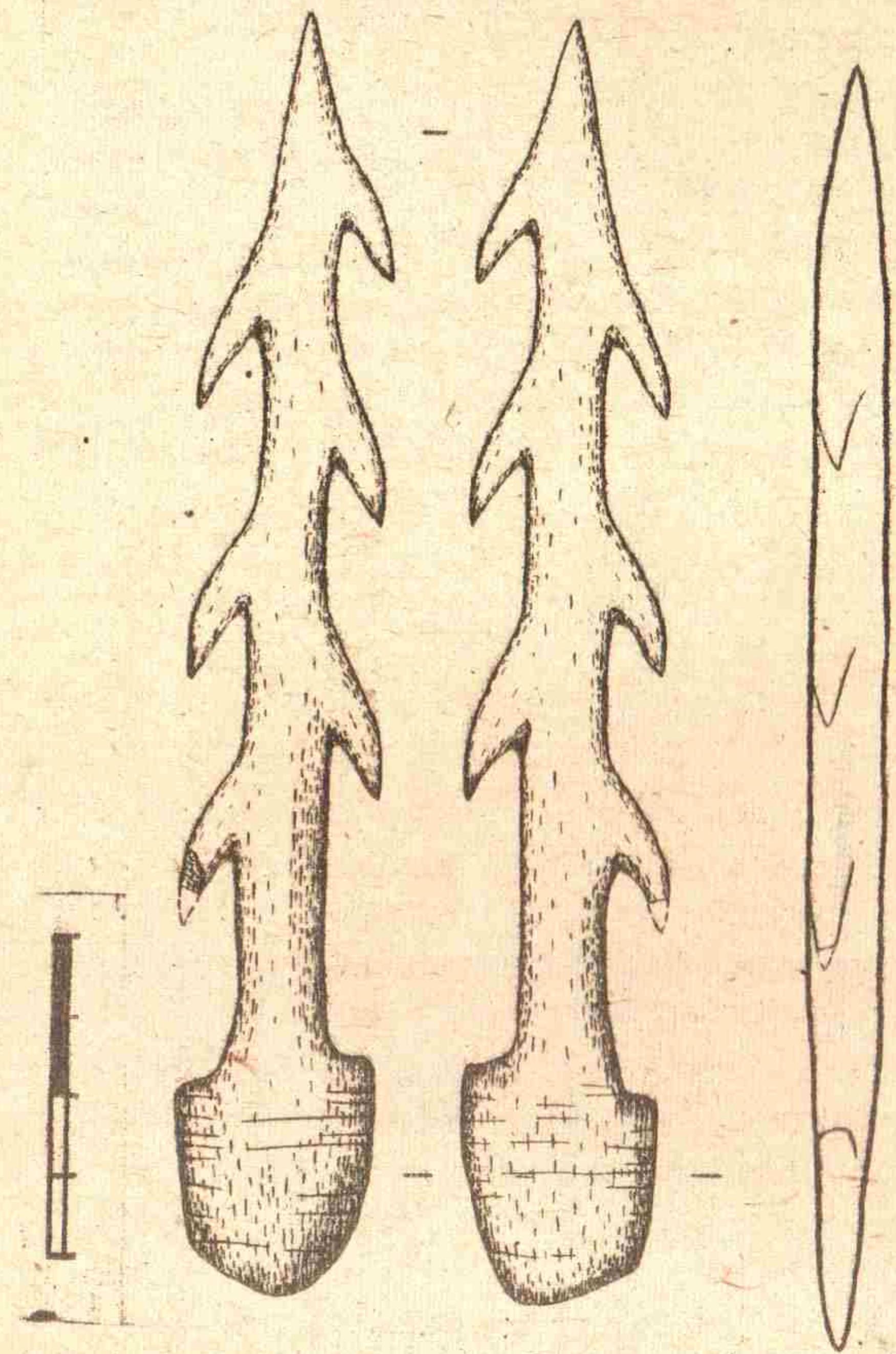

Рис.2

Гарпун вырезан из рога благородного оленя, наезд его уплощен, тело плоско-выпуклое в сечении, имеет 2 ряда асимметрично расположенных зубцов ($l=16$ см; $m=2,5$ см; $n=0,9$ см).

Морфология этих орудий аналогична со "среднемезолитическими" гарпунами и крючками Усть-Белой, но отличается от последних крупными размерами и некоторыми деталями оформления. Видимо, оба орудия принадлежат к эпохе превращения рыболовства из спорадической "охоты на рыбу" в самостоятельную отрасль хозяйственного уклада.

Вкладышевые орудия, вероятно, существовали на всем протяжении докерамического этапа Стрижовой Горы. Даже по малочисленным экземплярам из культурных горизонтов 5, 6, 7 геологических слоев можно судить о большой вариабельности их размеров, форм, деталей оформления насадов и пр.

Плоский костяной наконечник ($l=15,8$ см; $m=1,5$ см; $n=0,5$ см) с черешковым насадом и двумя глубокими пазами для крепления лезвия из фрагментов кремневых микропластиночек найден в XIУ горизонте (рис.3).

Судить о различиях вкладышевых наконечников в пределах "раннемезолитического" этапа по одному обломку из XIУ горизонта пока невозможно.

Кирки из рога благородного оленя употреблялись, видимо, при разработке открытых месторождений кремня. Изготавливались они из основания рогового ствола, острие выполнялось из глазничного отростка.

"Предметы домашнего обихода" представлены иглой из крупной птичьей кости, шилом из роговой пластины с асимметрично расположенным жалом (XIУ горизонт); шиловидным острием из грифельной кос-

Рис.3

Несколько клиновидных нуклеусов, микропластин и микроотщепов составляют самую незначительную часть каменного инвентаря стоянки. Преобладают отщепы явно палеолитического характера и пластины (первичные и полупервичные) без каких-либо следов обработки.

В целом, для Дворцов, как и для многих верхнепалеолитических забайкальских поселений, характерно сочетание крупного каменного инвентаря с мелким. Наряду с явно палеолитическими орудиями (скреблами, остриями, ножевидными пластинами) присутствуют орудия, которые свидетельствуют о принадлежности стоянки к переходному периоду от палеолита к неолиту (нуклеусы клиновидные, микропластинки, концевые скребки).

Каменному инвентарю Дворцов вместе с тем присущи и свои специфические черты. Это, прежде всего, одностороннее краевое ретуширование орудий. Второй отличительной чертой стоянки является присутствие в инвентаре острий, изготовленных не на крупных пластинах, а на отщепах. Типологически каменный инвентарь Дворцов близок материалу финальнопалеолитических памятников Забайкалья.

А.М.Сизиков

Институт Земной Коры СО АН СССР

О НЕОТЕКТОНИЧЕСКИХ КРИТЕРИЯХ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО РАСЧЛЕНЕНИЯ ЧЕТВЕРТИЧНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Изучение динамики формирования низких (до 12-15 м) верхнеплейстоцен-голоценовых террас байкальского побережья и, в частности, Северобайкальской котловины позволило сделать вывод о том, что на рубеже раннего-среднего голоцена (10-4 тыс. лет назад) произошло резкое усиление активности геоморфологически выраженных разломов северо-восточного и северо-западного простирания. Ранее сформированная и довольно зрелая береговая линия испытала значительную деформацию. Обширные участки прибрежной полосы погрузились под уровень озера, что обусловило интенсификацию абразионных процессов, направленных на выравнивание глубоко изрезанного ингрессионного побережья.

Продолжающееся переформирование берегов, несогласная ориентировка современных и древних береговых линий, высокая сейсмичность района и случаи тектонической перестройки побережья свидетельствуют о сохранении указанного неотектонического режима до настоящего времени.

На побережье Северного Байкала, по бортам суходольных впадин и долин крупных водотоков Северного Прибайкалья, удалось выделить и скоррелировать более высокие террасовые комплексы, поднимающиеся до относительных отметок в 150-500 м и датированные от раннего-среднего эоплейстоцена до верхнего плейстоцена включительно.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что смежные озерные комплексы так же обнаруживают различную ориентировку своих террасовых уровней, а иногда и прямо разграничены подработанными абразией тектоническими уступами. Это дает право предполагать, что неравномерность неотектонической активности являлась характерной чертой новобайкальского (четвертичного) этапа формирования морфоструктуры региона, а вариации скорости дифференцированных движений проявлялись одновременно на всей рассматриваемой территории Байкальского рифта и носили периодический характер, последнее находит свое подтверждение и в режиме четвертичного осадконакопления.

Синхронные региональные изменения неотектонической активности должны были сопровождаться изменением площади зеркала Байкала и высот окружающих горных сооружений, что неминуемо влечло за собой существенную перестройку климата, изменение состава растительного и животного мира, а также запечатлевалось в режиме эрозионно-денудационного расчленения и накопления осадочных толщ. Это обстоятельство предопределяет реальную возможность использования метода периодической активизации неотектонических движений как основы для построения местной стратиграфической шкалы региона.

Комплексное изучение разрезов многослойных археологических памятников Северного Прибайкалья (Улан-Хада, Курла и др.) позволило установить, что, действительно, с началом проявления активных дифференцированных подвижек на рубеже раннего-среднего голоцена предполагаемые изменения имели место: произошло резкое смягчение климата, широко распространилась древесная растительность, исчезли некоторые виды животных (обитатели от-

с полусным снятием пластинчатых заготовок. Эти нуклеусы, на наш взгляд, следует характеризовать как переходные по типу от леваллуазских к призматическим. Есть образцы леваллуазских нуклеусов, отличающиеся четкими боковыми и концевыми подправками.

Микротехника, и прежде бедно представленная, дополнительных аргументов не получила.

На новом участке поселения вскрыто II очагов, сооружавшихся, как представляется, в небольших углублениях. Наибольший интерес вызывает очаг (152x64 см), обрамленный поставленными на ребро плитками. Он повторяет по устройству очаг с поселения Кокорево I. Плитами обрамлялись и некоторые хозяйственные ямы.

Более уверенно теперь возможно говорить о существовании жилища. Оно еще изучено не полностью, но уже сейчас отчетливо прослеживается полуциркульная кладка диаметром до 6 м, выполненная из плит гнейса. С жилищем связано несколько очагов, поверхность которых отмечена костями животных и каменными изделиями.

По возрасту поселение Толбага, на наш взгляд, занимает промежуточное положение между Усть-Канской пещерой (конец мустье) и Кокорево I (13300 ± 50). Здесь также как и в Усть-Канской пещере четко прослеживается леваллуазская техника, но первостепенное положение занимает уже техника подпризматического (или эпилеваллуазского) нуклеуса. Более развитыми являются формы орудий. Наряду с остроконечниками и ретушированными по граням пластинами употребляются разы, концевые скребла, проколки, долотовидные орудия. С другой стороны, в отличие от Кокорево I на нашем памятнике очень слабо представлена микротехника. Объединяет же их крупнопластинчатая техника и орудия из пластин. (Разумеется, между тремя указанными памятниками есть различия и этнокультурного порядка). Эти наметки позволяют нам в сравнении с радиоуглеродной датой (15100 ± 520) удовлетворить возраст поселения Толбага примерно до 20 тыс. лет до н.э. »

В.М.Федурин
Читинский государственный
педагогический институт
им.Н.Г.Чернышевского

ДВОРЦЫ - СТОЯНКА ДРЕВНЕКАМЕННОГО ВЕКА

В течение двух сезонов 1974-1975 гг. Читинским археологическим отрядом производились раскопки разновременного комплекса Дворцы. Он находится на западной окраине г.Читы, в одном из распадков Яблонового хребта, на левом берегу р.Кадалинки. Среди памятников различных эпох этого комплекса раскапывалось и поселение древнекаменного века.

Поселение находится на эрозионной террасе, образованной дельвиальными отложениями. Небольшим раскопом (20 м^2) выявлены 3 культурных слоя в следующих стратиграфических условиях:

1. Дерновый слой	0,15 м
2. Темно-тумусированный слой	0,30 м
3. Слой серого суглинка с густой примесью щебня	0,80 м

Первый и второй слои дали несколько неолитических пластин, микронуклеусов и микроотщепов. Третий слой позволил выявить количественно небольшой (около 100 экземпляров), но весьма выразительный палеолитический инвентарь.

Самую большую группу изделий составили ножевидные пластины, обработанные с дорсальной стороны по одному краю, реже с двух.

Другую группу орудий составили острия на пластинках и пластинчатых отщепах. На орудиях присутствует дорсальная краевая ретушь по всему контуру.

Дворцовские скребла изготовлены на массивных отщепах, реже на пластинках. Выпуклые лезвия орудий несут на себе краевую ретушь. Только одно скребло, на пластине, имеет не только обработку лезвия, но и тщательную подтеску всей дорсальной поверхности орудия. Концевые скребки на отщепах не отличаются тщательностью обработки, которая характерна для эпохи неолита.

крытых пространств), отмечалось усиление эрозионно-денудационных процессов, что вполне объяснимо расширением акватории озера. Наблюдались также и определенные изменения в хозяйственном укладе древнего населения.

Однако, средний голоцен - это эпоха оптимума, и описываемые процессы в определенной степени могли быть обусловлены и глобальным смягчением климата. Является ли это совпадение случайным или отражает какую-то закономерность? Этот вопрос требует дальнейшей разработки.

А.В.Гусак

Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИЗУЧЕННОСТИ ДОЛИНЫ УДЫ (ЧУНЫ)

Постановка задачи на детальное археологическое обследование долины р.Уды в 1976 г. в ее верхнем и среднем течении требовала систематизации всех имеющихся сведений о подобных изысканиях в прошлом.

Вопрос об освоении первобытным человеком долины р.Уды (Чуны) уже в течение длительного времени привлекает исследователей. Впервые он был поставлен И.Д.Черским в результате изучения им Нижнеудинской пещеры. Однако тематические исследования по археологии здесь до сих пор не осуществлены и все сведения об археологии р.Уды можно почерпнуть либо от геологов, либо из отчетов краеведческих экскурсий.

Археологические объекты в долине р.Уды можно разделить на пещеры (проблематичные памятники), стоянки открытого типа и наскальные изображения. Наиболее известными являются Нижнеудинские пещеры, расположенные в 62 км от г.Нижнеудинска, $54^{\circ}25' с.ш.$ и $116^{\circ}35' в.д.$ Впервые их исследовал и описал в 1875 г. И.Д.Черский. Затем там проводила работы палеонтологическая экспедиция под руководством В.С.Солодкевича. В 1875 г. И.Д.Черским в результате шурфовки, на глубине 1,5-2 м обнаружены остатки четвертичной фауны: сибирский длинношерстный но-

сорог, ископаемый пещерный медведь, северный олень, сайга, горный козел, песец, бурый медведь и т.д. Палеонтологическая экспедиция Солодкевича в 30-х гг. полностью подтвердила записи Черского. Однако, как экспедицией Черского, так и экспедицией Солодкевича остатков деятельности первобытного человека не обнаружено, но, по предположению М.М.Герасимова, на некоторых костях можно обнаружить повреждения, которые нанесены человеком. Косвенным доказательством этого может служить находка в начале 20-х гг. деревянного наконечника гарпуна, обернутого корой, с привязанными к нему иглами вяжи. Гарпун был сильно карбонатизирован. Но сведения эти требуют очень детальной проверки.

Второй, менее исследованной пещерой, является Унылская пещера. Она описана Н.К.Молотковым в 1959 г. Пещера расположена в 70 км выше г.Нижнеудинска. Общая длина пещеры равна 12 км. В ней Н.К.Молотковым была обнаружена фауна, типичная для позднего плейстоцена. Она представлена костями зубра, пещерной гиены, рассомахи. По мнению Л.Н.Иваньева, старшего научного сотрудника Института Земной Коры СО АН СССР, "...почти все кости носят следы искусственного расщепления. Это дает возможность предполагать, что в пещере обитал человек каменного века".

Можно также выделить еще несколько не исследованных в археологическом отношении пещер, в результате изучения которых также, возможно, могут быть получены новые сведения о заселении долины р.Уды в каменном веке. Это пещеры, расположенные по верхнему течению р.Уды, в местности, "над Марней", пещера, расположенная на р.Павловке (правый приток р.Уды) в предгорьях Восточного Саяна, а также пещеры, находящиеся 50 км ниже Унды, на водоразделе правых притоков р.Уды - рр.Уляха и Тамарка.

Следующий тип памятников - открытые местонахождения. К ним можно отнести три стоянки в г.Нижнеудинске, стоянку в 2 км от с.Укар, Мироновскую, Порогскую, Порожную, а также Алыгджерскую. Они были открыты и исследованы в разное время В.В.Свининым, Н.К.Молотковым, В. Кубинцевым и А.М.Сизиковым.

В 1960 г. В.В.Свинин в 3 км выше с.Порог на левобережной 8-метровой террасе обнаружил неолитическое местонахождение.

При вскрытии зафиксированы кострища, орудия каменной индустрии и разнообразно оформленные фрагменты керамики.

Н.К. Молотковым в 1964 г. найдена Алыгджерская позднепалеолитическая стоянка, расположенная на поверхности III (18-20-метровой) надпойменной террасы. Она является первым и пока единственным памятником, обнаруженным в центральной части Восточного Саяна. Стоянка расположена на правом берегу р. Уды в 1,5 км от пос. Алыгджер в районе устья р. Кара-Бурень. Материал дислоцируется на глубине 30 см от дневной поверхности и представлен фрагментами керамики со штриховой поверхностью, кремневыми отщепами и жженой костью. Там же обнаружен тонкий (2-3 см) слой углей кострища. Fauna, по определению Л.Н. Иваньева, представлена кабаргой, косулай и медведем.

Накопленный археологический материал свидетельствует о том, что долина р. Уды была освоена человеком в эпоху неолита и бронзы. Несомненно, в дальнейшем здесь будут обнаружены стоянки человека эпохи палеолита и мезолита, как в многочисленных пещерах в верхнем течении, так и на высоких террасах среднего течения, которые еще практически не исследованы в археологическом отношении, но в свете современных данных по археологии юга Сибири они могут считаться перспективными для проведения именно здесь археологических поисковых работ.

О.И. Горюнова, А.В. Кузьминский
Иркутский государственный
университет им. А.А. Жданова

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ИТЫРХЕЙ (СРЕДНИЙ БАЙКАЛ)

Поселение Итырхей открыто П.П. Хороших в результате разведочных работ 1921-1923 гг. Им выделено 2 культурных горизонта, датируемые эпохой неолита. Раскопки Байкальского неолитического отряда КАЭ ИГУ летом 1975 г. позволили выявить 9 культурных горизонтов, 6 верхних из которых керамические.

Цель настоящего доклада - рассмотрение керамических комплексов поселения Итырхей.

Многослойный памятник находится в одноименной бухте, расположенной на юго-восточном побережье залива Куркут (залив пролива Ольхонские ворота), в 3 км к северо-западу от пос. Сатюрты. Бухта Итырхей с востока и юга ограничена скальными выходами к которым причленяются шлейфы склонового генезиса. Общая мощность рыхлых напластований в месте раскопа достигает 2 м. Культурные горизонты привязаны к темным гумусированным геологическим слоям, отделенным друг от друга стерильными (иногда линзовидными) прослойками песка.

Археологические находки I и II культурных горизонтов немногочисленны, представлены фрагментами керамики с отисками сетки-плетенки, гладкостенной, украшенной штамповыми вдавлениями и изделиями из камня в виде обломков орудий из кварцита с двусторонней обработкой (4 экземпляра).

Комплекс III культурного горизонта состоит из керамики с отисками сетки-плетенки (85 фрагментов) и гладкостенной (4 фрагмента). Удалось почти полностью восстановить один сосуд с отисками сетки-плетенки (фрагменты дна отсутствуют). Венчик отогнут. По его основанию проходит поясок ямочек-горошин. Внутренняя поверхность венчика украшена наклонными отисками зубчатого штампа. Диаметр венчика 23,5 см. Изделия из камня: 3 грузила из плоских речных галек, 2 концевых скребка на пластинчатых сколах и 1 на отщепе, обломок наконечника стрелы листовидной формы и вкладыш с дорсальной ретушью.

Наиболее насыщен находками IV культурный горизонт. Керамика слоя, в основном, с отисками сетки-плетенки (115 фрагментов от 8 сосудов). Венчики прямые с горизонтальными верхними плоскостями. Керамика без орнамента, с пояском ямочек-горошин, либо оформленная горизонтальными рядами штамповых вдавлений. Гладкостенная керамика представлена 3 фрагментами, украшенными прочерченным орнаментом и 2 фрагментами сложного венчика, утолщенного на расстоянии 1-1,5 см от края налепным валиком. Керамика украшена "отступающей лопаточкой" овальной формы. Над валиком - мелкие отверстия. Комплекс V культурного горизонта дополняется пилой из сланца с двусторонней заточной лезвия, наконечником стрелы с вогнутой базой и асимметричными жальцами, 3 грузилами из галек, вкладышем с бифасиальной обработкой,

2 обломками однолезвийных ножей с двусторонней обработкой, заготовкой орудия (тесловидного?) из кремня с бифасиальной обработкой. Изделия из кости: стерженек составного рыболовного крючка т.н. "байкальского" типа и крючок для вязания сетей.

Керамика I культурного горизонта представлена сосудами с отисками сетки-плетенки (61 фрагмент от 2 сосудов) и гладкостанными (3 фрагмента), без орнамента. Каменный инвентарь немногочислен: 2 обломка ножей с двусторонней обработкой лезвия, обломок вкладыша и скребловидное орудие из плоской речной гальки, обработанное крупными сколами. Интерес представляет костяной орнаментированный стерженек (скульптура?).

II культурный горизонт представлен керамикой с отисками сетки-плетенки (4 фрагмента), микроскребком из прозрачного халцедона, пилой из сланца с односторонней заточкой лезвия, костяным шилом и обломком иглы.

В настоящее время малочисленность археологического материала и отсутствие четких датирующих типов инвентаря не позволяет с достоверностью отнести тот или иной комплекс к определенным этапам неолита. Дальнейшие раскопки позволят внести ясность по данному вопросу.

Н.А.Савельев,
А.Г.Генералов, А.В.Волокитин,
О.Н.Смирнова
Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МНОГОСЛОЙНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА КАЗАЧКА

Стоянка Казачка расположена в нижнем течении р.Кан, правого притока р.Енисей, в устьевом участке горной р.Казачка.

В результате 4-летних исследований (1972-1975 гг.) выявлено 19 культурных горизонтов. Приурочены они к гумусированым прослойкам пойменного аллювия 9-метровой террасы, развитой на прирусловом валу р.Кан, и между собой разделены сте-

рильными слоями песка. Семь верхних культурных горизонтов представлены такими вещественными комплексами, главной составной частью которых является керамика. Анализ керамического материала является целью настоящего сообщения.

Керамический комплекс I культурного горизонта включает 15 сосудов. К визуальным признакам техники изготовления относятся отпечатки витого шнура и ромбические (вафельные?) отпечатки, а также тонкие штрихи - следы затирания. Общая форма сосуда реконструируется только в одном случае. Она представляет собой комбинацию открытого овалоида (тулово) и специального поддона. Поддон и тулоо изготавливались отдельно. В остальных случаях можно отметить только форму венчиков как прямых, так и различной степени профиляции с преобладанием внешне отогнутых. Элементами орнамента являются: тонкие налепные треугольные валики, горизонтальные и вертикальные, ногтевые зашипы, насечки.

II культурный горизонт представлен 14 сосудами. Следами техники изготовления являются штрихи заглаживания и выколачивания. Форма сосудов: 1) плоскодонные, причем в одном случае т.н. форма "открытой банки", в другом - открытая форма яйцевидного овалоида (острый конец усечен дном); 2) овалоидная. Венчики прямые или отогнутые наружу. В технике нанесения орнамента преобладает отступающая лопаточка, а также характерны пояски вдавлений, наружных (ямки) и внутренних (жемчужины). Орнамент состоит из двух мотивов: зигзага и линий. В одном случае орнаментальные мотивы располагались вертикально, в остальных - горизонтально. Орнаментальное поле обычно занимает 1/2-2/3 тулоа сосуда.

Керамика III культурного горизонта немногочислена. Она гладкостенная и в общей массе не имеет орнамента.

Внешняя поверхность керамики IV культурного горизонта (5 сосудов) покрыта отпечатками "шагающего" штампа. Частично эти отпечатки прослеживаются и на внутренней стороне сосудов. Возможно, это - своеобразный технический декор. Восстановленный сосуд имеет открытую форму усеченного овалоида. Венчик прямой, верхняя поверхность его волнистая за счет пальцевых зашипов. Помимо отпечатков "шагающей" вогнутой лопаточки сосуд орнаментирован поясом ромбов.

Керамика У культурного горизонта имеет на внешней поверхности штрихи заглаживания (9 сосудов) и выколачивания (1 сосуд). Формы сосудов представлены группой закрытых усечённых овалоидов. Венчики сосудов слегка отогнуты наружу. Верхняя плоскость или скруглена, или прямая. Орнаментирована она отпечатками зубчатого штампа - наклонными или перекрещивающимися. На срезе ряда венчиков прослеживаются треугольные выступы. В орнаментации тулов 2 мотива: горизонтальная линия и зигзаг, составленные из отпечатков гребенки (т.н. "пунктирный орнамент"). Орнаментальное поле располагается в верхней трети тулов. В единственном числе зафиксирован толстостенный сосуд с 2 ручками для подвешивания. Выделяется из общей массы сосудов малых размеров открытой овалоидной формы, по всей внешней поверхности украшенный горизонтальными линиями "пунктирного орнамента".

Керамический материал УІ культурного горизонта не имеет следов технологического порядка кроме штрихов затирания на внутренней поверхности сосудов. Все сосуды (20 экземпляров) параболоидной формы. Венчики прямые. Орнаментация распространяется по всей внешней поверхности, монотонная. Составлена она из отпечатков различного вида зубчатого штампа (превобладает) или же "отступающего" штампа. Мотивы: горизонтальные линии, "елочки".

Керамика УП горизонта малочислена, восстановленных сосудов нет, но по орнаментации фрагментов наблюдается большая степень сходства с керамикой УІ горизонта.

Раскопками 1975 г. выявлен УПа культурный горизонт, залегающий в подошве гумусированной прослойки УП горизонта. Здесь найден сосуд с отпечатками "сетки-плетенки" и фрагменты керамики с отпечатками витого шнура.

Стоянка Казачка, в частности ее керамические комплексы, является одним из тех памятников, на основании изучения которых будет построена определенная периодизация культур среднего Енисея и выявлена картина их связей с другими регионами. Сейчас наши выводы в основном базируются на вертикальной стратиграфии памятника и частичном типологическом анализе материала. Полный типологический анализ затруднен по причине неизученности данного региона и отсутствия памятников подоб-

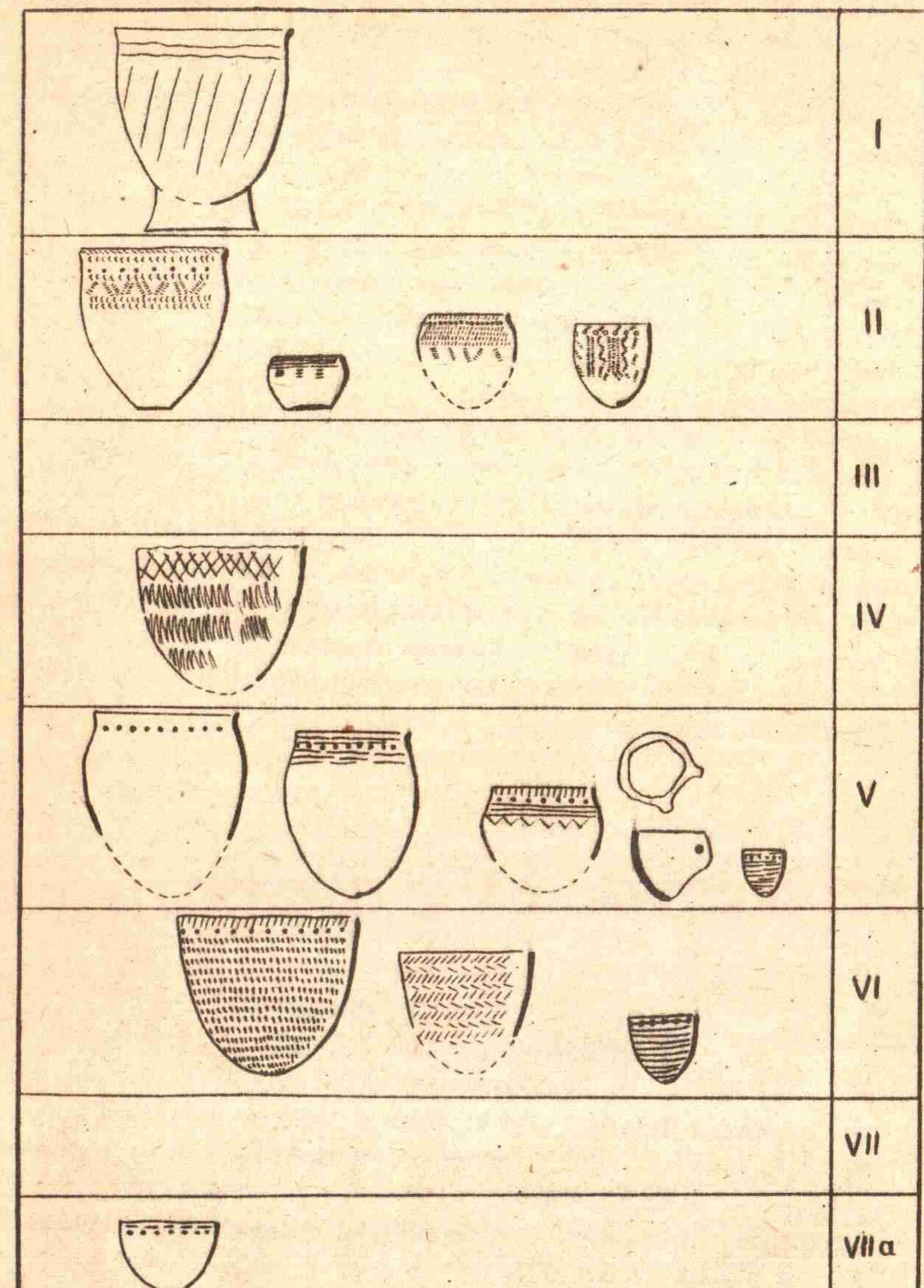

Рис. Формы сосудов (Стоянка Казачка, I-УПа культурные горизонты)

ного рода в близлежащих территориях. Поэтому определение культурно-хронологической принадлежности типологически возможно только на основании территориально далеких аналогий (Якутия, Прибайкалье, Урал, Средняя Азия) и только по отдельным признакам. Так по наличию в УПа культурном горизонте керамики с отпечатками "сетки-плетенки" и витого шнура датируем комплекс началом-серединой IУ тыс. до н.э. По форме сосудов и орнаментации по всей внешней поверхности комплекс УГ горизонта возможно отнести к урало-сибирскому ареалу культур, начало распространения которого падает на середину-конец IУ тыс. до н.э. Подобная сосудам У горизонта керамика со стоянок вблизи г.Красноярска А.П.Окладниковым отнесена к позднесаровскому времени. Датировка II тыс. до н.э. вполне приемлема, однако, стоянок позднесаровского времени нам в Прибайкалье ("стратотипа" саровского комплекса) не известно. Наличие отпечатков шагающего штампа сближает керамику IУ горизонта с комплексами кельтеминской культуры и камского Приуралья. II культурный горизонт на основании чисто стратиграфических данных мы датируем эпохой бронзы, возможно наличие керамики раннего железа. Керамика I культурного горизонта имеет широкие аналогии в сибирских комплексах эпохи железа.

В.Я.Федюшин
Дудинский краеведческий музей

СОСУД С КРЕСТООБРАЗНЫМ ОРНАМЕНТОМ
СО СТОЯНКИ У ДЕРЕВНИ ЧАДОБЕЦ

Стоянка Чадобец была открыта в 1882 г. Н.И.Витковским, который произвел сбор подъемного материала. В 1937 г. в окрестностях д.Чадобец работал рекогносцировочный отряд А.П.Окладникова. После 30-х гг. никаких-либо специальных исследований в этом районе не проводилось, только в 1948 г. стоянку посетил геолог А.К.Рюмин, который, наряду со сбором подъемного материала, произвел геоморфологическое описание стоянки. В 1969 г. памятник обследовался разведочным отрядом КАЭ ИГУ.

В августе 1972 г. Среднеангарским неолитическим отрядом КАЭ ИГУ продолжались стационарные полевые исследования стоянки у д.Чадобец¹, расположенной на левом берегу реки одноименного названия (правый приток р.Ангары), в 300 м выше ее устья и в 1500 м от д.Чадобец на II террасе с относительными отметками 18-20 м. Общая экспозиция стоянки юго-западная.

В ходе раскопочных работ 1972 г. было зафиксировано три культурных горизонта, разделенных между собой стерильными прослойками. Материалы, полученные в результате работ 1969-1972 гг., находятся в стадии обработки и являются предметом специальной публикации.

Цель данного сообщения - дать характеристику лишь одного реставрированного сосуда с четкой стратиграфической привязкой. Мы считаем возможным и нужным это сделать, поскольку публикаций керамического материала из Северного Приангарья до сих пор не было. Сосуд реставрирован в археологической лаборатории Иркутского университета.

Фрагменты сосуда залегали в слое перекопанной почвы на глубине 40-50 см от современной поверхности. Реставрированный сосуд круглодонный, имеет форму усеченного овалоида (рис.). Венчик не профилирован и слегка скошен вовнутрь. Внутренняя поверхность сосуда гладкая. Внешняя покрыта специфическими штрихами, которые очень сильно затерты. Наличие их свидетельствует о том, что сосуд формировался "техникой выколачивания", для чего использовалась рубчатая лопаточка. Венчик орнаментирован попечечными насечками. Вокруг венчика расположен пояс "жемчужин", выдавлив-горошин, который состоит из 20 "жемчужин", расположенных на расстоянии 20-25 мм друг от друга. Диаметр "жемчужин" - 5 мм. Ниже пояса нанесен крестообразный орнамент в виде косых взаимопрекращающихся линий. Орнамент локализуется в верхней трети сосуда на расстоянии 20 мм от верхней плоскости венчика. Промежутки между ними, если смотреть по часовой стрелке, 35-60-82-28 мм. Орнамент выполнен палочкой с притупленным концом, шириной которой - 3 мм. Тесто в изломе дает цвет от светло-коричневого и до коричневого имеет небольшую примесь песка. Высота сосуда - 228 мм, диаметр венчика - 175 мм, толщина венчика - 6 мм, ширина самой широкой части -

1. В последние годы раскопки на Чадобце ведет экспедиция Красноярского педагогического института под руководством Н.И.Дроздова.

20 мм, толщина стенок в средней части сосуда - 3 мм, а дна - 9 мм.

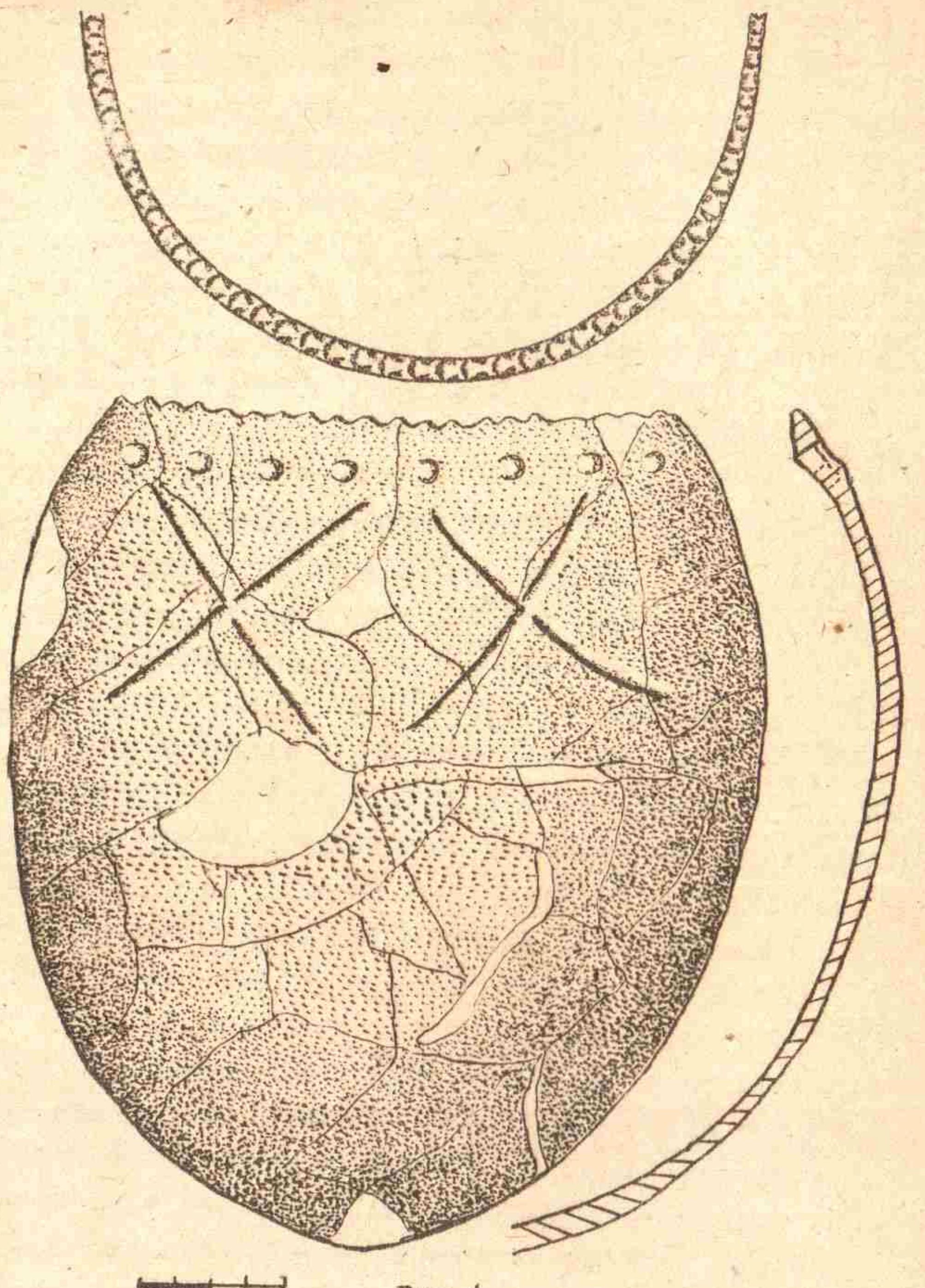

Рис. 1

По сумме всех признаков: форма (общая профилировка туловища и венчика), размеры, штриховой декор и техника нанесения орнамента, мотивы орнамента (жемчужины и кресты) данный сосуд имеет обширные аналогии и в первую очередь с южными районами Прибайкалья, где подобная керамика датируется рядом исследователей (Окладников, Свинин, Савельев, Горюнова) II тысячелетием до н.э. Но крестообразный орнамент имеет наиболее широкое распространение в западных от Енисея районах (Косарев). Это

заставляет пока воздержаться от чёткого отнесения данного сосуда к той или иной территориальной группе.

Е.А.Стрелова
Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ДОЛИНЕ РЕКИ НИЖНЯЯ ТУНГУСКА ЛЕТОМ 1975 ГОДА

Первые археологические известия по Катангскому району были опубликованы в докладе иркутского археолога П.П.Хороших в 1934 г. Собранный им материал хранится в фондах Иркутского областного Музея и в Краеведческом Музее г.Красноярска.

В июне 1975 г. в Катангском районе Иркутской области работал археолого-этнографический разведочный отряд КАЗ ИГУ. Целью археологической разведки было обследование береговых террас вблизи трех населенных пунктов: пос.Ергогачен, с.Преображенка и с.Непа. В общей сложности было обследовано 150 км береговой территории, на которой обнаружено 8 местонахождений культурных остатков. Два из них - в пос.Ергогачен и в местности Шивера - стратифицированы и представляют наибольший интерес для дальнейшего исследования.

Сам пос.Ергогачен расположен на 15-метровой надпойменной террасе правого берега р.Н.Тунгуска. При зачистке обнажений террасы на глубине 0,25 м от дневной поверхности в древней развеянной почве, залегающей в толще красно-бурого песка, зафиксированы находки каменной индустрии.

Местечко Шивера представляет высокую пойму (8 м). Зачистка показала, что культурный горизонт, залегающий в темно-коричневом суглинке, находится на глубине 0,7 м от дневной поверхности, в нем обнаружена керамика.

Подъемный материал, собранный во всех обнаруженных местонахождениях, представлен костяным орудием типа "лошила", обломком ножа из аргиллита, кремневым наконечником стрелы (рис.), галечным теслом миндалевидной формы, массивным отбойником,

пластинками с ретушью, отщепами. Керамика гладкостенная, орнаментированная зубчатым штампом, отисками штампового вдавления овальной формы, налепным валиком с насечками. Материал предварительно может быть датирован временем позднего неолита и бронзы.

Главную цель разведочного отряда - ознакомление с районом будущего исследования, с выявлением раскопочных площадей, установление контактов с местным населением (посредством лекций, газетной анкеты, писем) для получения дополнительной информации - можно считать достигнутой.

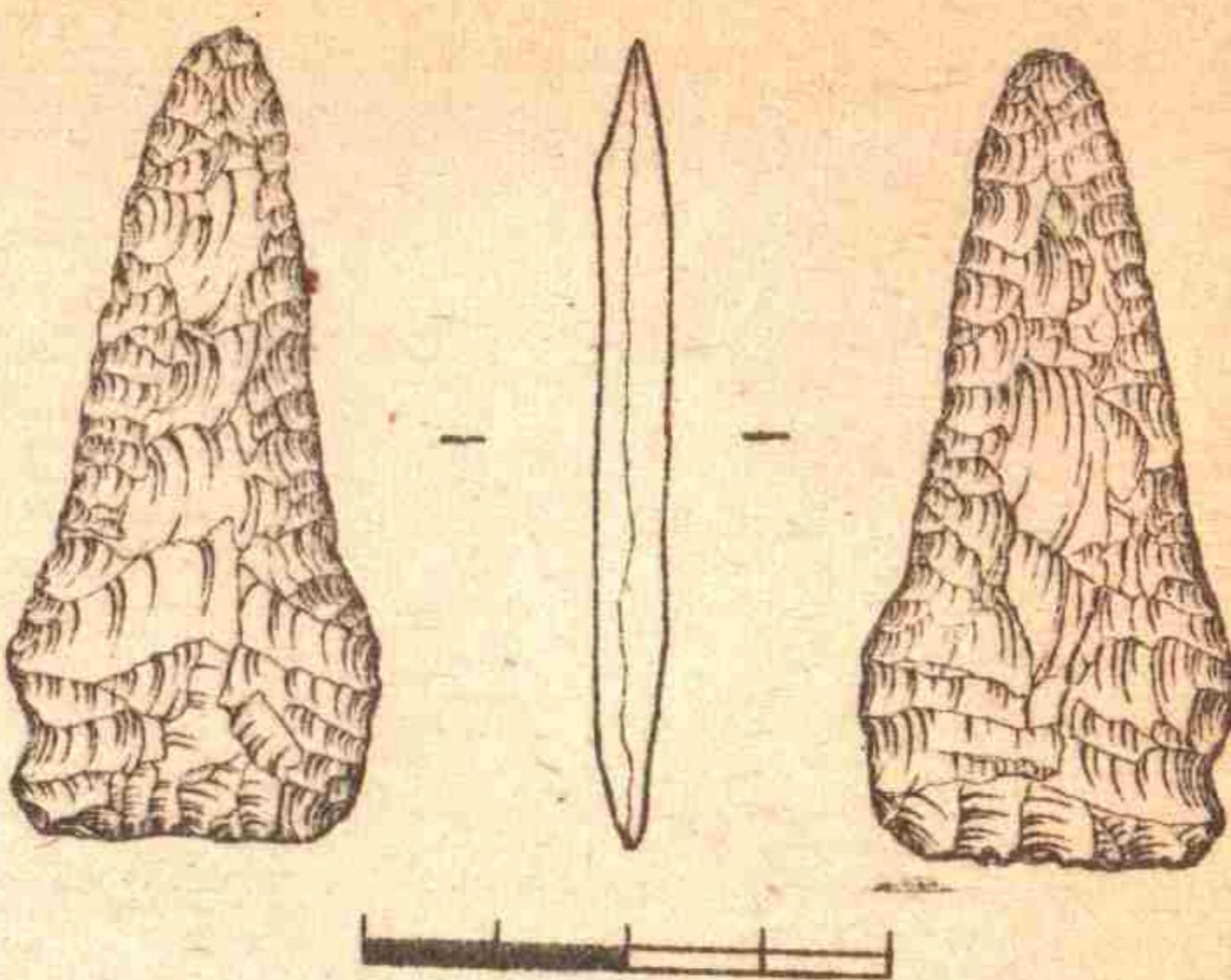

Рис.

Е.И.Михайлова
Якутский государственный
университет

СТОЯНКИ КУРУНГ И БОЛЬШАЯ КЮСКЭ НА ОЛЕКМЕ

В 1975 г. Олекминским отрядом археологической экспедиции Якутского госуниверситета были обнаружены и исследованы стоянки Курунг и Большая Кюскэ (А.Н.Алексеев, И.Е.Зыков). Стоянки находятся на первой надпойменной террасе левого берега р.Олекмы и приурочены к правым мысам рек Курунг и Большая Кюскэ.

Первый слой памятника Курунг (послойная нумерация дается сверху вниз), дал фрагменты тонкостенной керамики эпохи металлов. Находки фрагментов вафельной керамики позволяют датировать второй слой поздним этапом неолита Якутии (2 тыс. до н.э.). Третий слой, содержащий шнуровую керамику, по аналогии с хорошо датированными памятниками Алдана, относится к 3 тыс. до н.э. Чет-

вертый слой, по условиям залегания, отсутствию керамики и преобладанию в инвентаре пластин, относится по предварительному заключению исследователей (А.Н.Алексеев) к мезолиту.

В первом слое стоянки Большая Кюскэ были обнаружены фрагменты вафельной керамики, широко распространенной в позднем неолите Якутии. По характеру находок второй слой также можно датировать поздненеолитическим временем. На основании обнаруженных фрагментов шнуровой керамики, характерной в развитом неолите, третий слой относится к 3 тыс. до н.э. Не противоречит этой датировке и многочисленный каменный и костяной инвентарь.

Ценность исследованных памятников заключается в том, что впервые на Олекме в четко стратифицированных условиях были выделены чистые вещественные комплексы различных эпох. Теперь можно считать установленным, что Олекма со среднего этапа неолита входила в ареал распространения Приленской культурной области.

А.В.Кузьминский
Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

ДРЕВНИЙ БЫТОВОЙ КОМПЛЕКС В ТУНКИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ

Археологические находки с выдувов Тункинской котловины привлекали внимание исследователей начиная с 1868 г. (В.И.Подгорбунский). Однако, все работы ограничивались сбором подъемного материала, подробной публикации которого не существует до настоящего времени. Поэтому, несмотря на значительное количество исследований, Тункинская котловина остается слабо изученной.

Цель данного доклада - знакомство с древним бытовым комплексом стоянки Хорлик, открытой разведочным отрядом КАЭ ИГУ летом 1975 г.

Стоянка расположена на левом берегу р.Тункини (левый приток р.Иркута), в 4-5 км к юго-западу от пос.Тунка и в 800 м к северо-востоку от современной фермы. Древнее название местности - Хорлик.

Стоянка однослочная. Археологические находки привязаны к подошве темного гумусированного геологического слоя (мощностью 0,35-0,40 м), расположенному на глубине 1,40-1,50 м от современной дневной поверхности.

Найдены слоя немногочислены, в плане они привязаны к концам, представляющим собой зольные пятна разных размеров, и скоплению костей. Остатки фауны располагались в яме (2,06 x 1,15 м) овальной формы, вытянутой большим диаметром по линии север-юг. Глубина ямы 0,38 м. Скопление представляло собой беспорядочное нагромождение костей животных (1553 экземпляра), принадлежащих нескольким особям. Видовой состав представлен остатками лошади, оленя, косули и кабарги. В южной части скопления зафиксировано большое количество углей.

Керамика, обнаруженная в слое, представлена фрагментами гладкостенной (13 экземпляров) и с отисками штрихов на внешней поверхности (4 экземпляра). Венчики слегка отогнуты.

Каменный материал состоит из скребка на отщепе, 2 пластинчатых сколов и 2 отщапов.

В раскопе обнаружено 6 костей со следами обработки - 3 астрагала кабарги со срезанными боковыми сторонами, обломок фланги с нарезками, костяная заготовка орудия (остроконечник?) и кость со следами обработки.

Малочисленность археологического материала не позволяет пока говорить о датировке памятника.

Н.Н.Стромилова, М.В.Константинов,
Л.В.Семина
Читинский государственный
педагогический институт
им.Н.Г.Чернышевского

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ХИЛОКА И ЧИКОЯ

В последние годы (1969-1975 гг.) на забайкальских реках Хилок и Чикой (притоки Селенги) выявлены и частично раскопаны ряд неолитических памятников: Разъезд 41, Сосновка, Толбага-2,

Черемушки, Малета, Куналей, Фомичево, Нарым, Читкан. Неолитический материал составляет определенную часть коллекций с разведенными стоянок - Хилок I-4, Бичура, Архангельское I,2 и др.

Культурные слои стоянок связываются с почвой и лежащей под ней бурой супесью мощностью 0,25-0,3 м. Хозяйственные комплексы однотипны: ямы, заполненные раздробленными костями животных и очаги, выложенные камнями по всей поверхности. В Нарыме, кроме обычных, вскрыт очаг с двойной вымосткой дна и обрамлением по периметру из плиток, поставленных на ребро. Стоянки являются сезонными. Жилищ типа землянок и полуземлянок не обнаружено.

В каменном инвентаре важное место занимают микронуклеусы: торцовье, чаще всего имеющие подправку бокового края и нижнего конца (клиновидные), конические, карандашвидные. Нередко нуклеусы срабатываются до предела (до 0,6 см), сохраняя при этом четкость формы. Массово встречаются микропластиинки. Самые крупные достигают 5 см. Большинство микропластиин использовалось в качестве вкладышей. В этом случае их обрабатывали краевой ретушью с брюшка или со спинки, но нередко использовали и без обработки. Встречаются микропластины с ретушью по торцу. Вкладыши с бифасиальной обработкой единичны. Из микропластиин изготавливаются даурские острия и проколки, с типичной для них обработкой ретушью с брюшка вытянутого жальца, а также торца. Из коротких микропластиин (или фрагментов) опять же в даурской технике изготавливаются наконечники стрел с боковой выемкой у основания. Они похожи на хиньские из Прибайкалья. Есть наконечники стрел подтреугольной формы с тщательной отделкой поверхностей и вогнутой или прямой базой. Широко распространены скребки. Они изготавливаются из отщепов и реже - широких пластинок. Рабочий край оформляется ретушью со спинки на конце или по периметру. Имеют место угловые разрезы из микропластиин (прочих разцов не встречено) и небольшие орудия с вогнутым рабочим краем - скобели. Ножи оформляются на пластинках или отщепах средних размеров с помощью краевой ретуши. Найдены и обломки двустороннеобработанных ножей с миндалевидным сечением.

Из крупных отщепов и плоских галек или плиток изготавливаются скребла. Они имеют выпуклый или замкнутый по периметру рабочий край. Привычны на стоянках палеолитические по виду чопперы, но кроме них есть более аккуратные топоры и тесла, выпол-

ненные однако также в технике обивки. В качестве пастов употреблялись вытянутые гальки с округлыми концами. Список крупных предметов завершает наковальни, отбойники, гальки-грузила.

Керамика представлена мелкими разрозненными фрагментами сосудов. Они тонкостенные, бурые и светлокоричневые по цвету, часто - с техническими оттисками нитей.

Художественный орнамент чаще всего выполняется штампом: гребенчатым (прямым или овальным) с количеством зубцов от 3 до 6; прямым, полуулунным, угольчатым, округлым. Оттиски штампа ставятся вертикально, наклонно или горизонтально. В первых двух случаях они образуют ряды, в третьем - линии, прямые или ломаные. Иногда штампом оставляются желобчатые ряды со ступенчатым дном. Прочерчиваются также линии, узкие и широкие (до 0,3 см). Орнамент обычно начинается от кромки венчика, охватывая иногда его срез и внутреннюю часть. Ряды или линии располагаются друг под другом. На фрагментах удается проследить 2-3 орнаментальных ряда. На сосуде из Куналея, реконструируемом на две трети, орнамент спускается до дна, при этом четко устанавливается зональность. Как и куналейский, большинство сосудов, очевидно, были слабо профилированными, чаще всего с прямыми, иногда утолщенными налепами, венчиками, прямыми стенками и округлым дном.

На наш взгляд, стоянки Хилка и Чикоя перекликаются по ряду моментов с памятниками соседних районов (Прибайкалье, Якутия, Монголия, Приамурье), но в целом являются самобытными и неповторимыми. Возраст их определяется пока лишь условно - в рамках развитого неолита, т.е. III - начало II тыс. до н.э.

С.И.Лиханов
Читинский государственный
педагогический институт
им.Н.Г.Чернышевского

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЧИТКАН

Поселение расположено в пади Читкан, в 2 км выше с. Жиндо на правобережной эрозионной террасе р. Чикоя. Высота ее до 10 м.

Открыто поселение И.И.Кирилловым в 1970 г. Кроме сбора подъемного материала, было забито 2 шурфа общей площадью II кв.м. Находки встретились уже в дэрне. Это были толстостенные неорнаментированные фрагменты керамики. Основной материал был выявлен в нижележащей поддерновой темно-серой супеси мощностью до 0,3 м. Здесь найдены тонкостенные фрагменты керамики с техническим орнаментом, 3 микропластиинки, одна из которых имеет ретушь по прямому торцу со спинки; конический нуклеус со снятием пластин почти по всей окружности; два боковых скола, снятых, скорее всего, с клиновидных нуклеусов; микроскребок из отщепа; концевой скребок с четко выделенными плачиками; долотовидное орудие из отщепа с двусторонней подтеской широкого прямого лезвия; грубые рубящие орудия из плоских галек и отщепы. Всего находок 72 экземпляра.

Этот культурный слой, на наш взгляд, следует датировать эпохой неолита. Материал его находит аналогии в неолитических слоях поселений Черемушки, Малёта (р.Хилок), Студанное, Фомичево (р.Чикой).

В 1975 г. на поселении был обнаружен палеолитический слой. Он оказался связанным с палево-серой плотной супесью с примесью дресвы мощностью 0,5 м. От верхнего этот культурный слой отделен стерильной прослойкой мощностью до 0,4 м. В этом слое обнаружено 212 находок, причем отщепов - 148. Пластиин и их фрагментов найдено 40 экземпляров, II из них имеют обработку. Размеры пластин в большинстве случаев стабильны, в среднем, 5,5x1,5x1 см. Из орудий самую большую группу составляют пластины и отщепы с выемками, оформленными ретушью - 7 экземпляров. Особую группу составляют 3 остроконечника из отщепов. Ретушью со спинки у них обработаны само острие и одна из длинных боковых граней. 3 орудия имеют вытянутые рабочие жальца с ретушью по одному краю. Они, вероятно, использовались как проколки или провортки. Выделяется также концевой скребок на трехгранный правильной призматической пластинке и долотовидное орудие из отщепа. Боковые грани у него обработаны противолежащей ретушью. Рабочий край выпуклый с ретушью со спинки. Из крупных отщепов выполнены 5 скребков с краевой унифициальной дорсальной обработкой. Из двух обнаруженных нуклеусов один представлен обломком со следами микроснятий, второй - крупный подпризматический двуплощадочный. Площадки скошены, грубо оббиты. Негативы на

фронтальных поверхностях происходят от снятия сравнительно правильных пластинок.

В слое выявлен комплекс из 6 крупных галек, между которыми наблюдаются сажистые прослойки и пятна. Рядом найден своеобразный жалвак из ожелезненной тяжелой породы с глубоким конусовидным углублением сверху. Экспериментальным путем установлено, что он предназначен для зажима нуклеуса при снятии пластин. Так подпризматический нуклеус, описанный выше, и той и другой скошенной площадкой мог удобно иочно устанавливаться в зажиме.

В целом, материал палеолитического слоя поселения ближе всего к стоянке Куналей на р.Хилок и афонтовским памятникам на р.Енисее (Афонтова Гора П, Кокорево П, III), но не повторяет их полностью. Детальный анализ возможен лишь после проведения более широких раскопок.

Датировать палеолитический слой можно пока лишь в широких временных рамках - в пределах сартанского оледенения, 21-10 тыс. до н.э.

Н.А.Петрова
Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ДРЕВНИХ МОГИЛЬНИКОВ

Цель данного доклада - уточнение некоторой терминологии, используемой при описании древних могильников. В археологической литературе принято употреблять термин "погребальный обряд". Мы считаем это не вполне правомерным, т.к. погребальный обряд включает в себя целый ряд последовательных действий, совершаемых родственниками и соплеменниками покойного, начиная с момента смерти и кончая поминками по его душе. Археологам приходится иметь дело только с вещественными остатками, по которым невозможно составить представление об обряде в целом. Поэтому, предлагаем сохранить понятие "погребальный обряд" для этнографических исследований, а при изучении древних могильников

использовать термин "погребальный комплекс", включающий в себя конструкцию могильного сооружения, способ и детали погребения умершего, вид захоронения и сопровождающие предметы, которые зависят от поло-возрастной принадлежности покойного.

Изучение могильного сооружения предполагает описание конструкции погребальной ямы, внутримогильного и надмогильного устройства.

Под способом погребания понимается форма помещения умершего или его останков в землю (трупопомещение, кремация). Часто происходит смешение терминов "трупопомещение" и "трупоположение". Под трупопомещением подразумевается поза погребенного вообще или отсутствие таковой в могильном сооружении (горизонтально, сидя, стоя и т.д.). Горизонтальное положение костяка (вытянутое или скрюченное) именуется трупоположением (т.е. это более узкое понятие). Во избежание смысловой неточности, предлагаем последнее определение изъять из употребления.

За ритуальные детали погребения принимается какая-либо дополнительная обработка тела при захоронении: засыпка охрой, обертка в бересту, частичное сожжение в могильной яме и т.д.

Вид погребения определяется по количеству и половой принадлежности костяков, обнаруженных в захоронении (одиночное, парное, коллективное). Парное, в отличие от коллективного, включает одинаковое количество особей разного пола. Для определения захоронения с двумя особями, принадлежащими взрослому и ребенку, либо одного пола, предлагаем ввести понятие "двойное" погребение.

Ориентация фиксируется в соответствии с общим направлением позы погребенного, считая определяющим фактором направление головы или лица (для сидячих).

Необходимо учитывать расположение сопровождающих предметов, типы и особенности погребального инвентаря (ритуально поломанный, воткнутый и т.д.). Описание инвентаря требует своей особой классификации и систематизации, что не входит в задачи данного доклада.

заплывами из 6 погребений (№4, 23, 33, 36, 42, 43). Все изображения - из сидячих захоронений, исключение составляют 3 фигуры медведей, обнаруженные в погребении №42 с расчлененным костяком. По сюжету скульптуры делятся на антропоморфные и зооморфные.

Антропоморфная группа представлена 3 экземплярами, два из которых найдены в погребении №36. Скульптура из погребения №4 представляет собой фронтальное, плоскостное изображение человека в полный рост. Фигура изготовлена из кости, обработка односторонняя. Голова в форме овала, занимает одну треть длины всей скульптуры. Лицо передано схематично (глаза и рот - в виде ямок, нос обозначен выступом). Голова отделена от туловища двумя неглубокими выемками. Туловище покрыто насечками и оформлено по бокам нарезками. На ногах, отделенных друг от друга параболоидной выемкой, нанесены аналогичные насечки, очевидно, имитирующие одежду. Изображения из погребения №36 отличаются от вышеописанного двусторонней обработкой, объемностью, что, возможно, объясняется использованием нового материала (рог, позвонки и т.д.).

Группа зооморфных скульптур представлена изображениями лося, змеи (описаны и опубликованы О.И.Горюновой), медведя и рыб. Образ медведя (4 изображения из погребений №4, №42). По технике и манере передачи образа скульптуры аналогичны. Представляют собой стилизованные, плоскостные изображения, выполненные из кости (ветви нижней челюсти зайца). Обработка односторонняя. Морды несколько удлинены, уши переданы выступами, рот и глаза не обозначены. Скульптуры снабжены отверстиями для подвешивания. Образы рыб (4 скульптуры из погребений №23, 33, 43). Рыбки налимообразной, каплевидной формы (захоронения №23, 33, 43). Головы приостраны, хвосты веретенообразные, спинки выпуклые. Глаза и рот переданы схематично. На месте жабер, спинного ялавника и хвоста - биконические отверстия. Скульптуры отличаются только размерами. Рыбка хариусообразной формы (вторая скульптура из погребения №33); отличается большой стилизацией образа. Пропорции рыбки удлиненные. В головной части, в районе жабер, на спине и хвосте - сквозные отверстия. По линии спинного хребта и живота расположены мелкие углубления, видимо, декоративного назначения. Форма рыбки и наличие большого отверстия в головной части позволяет предположить возможность

использования скульптуры в качестве приманки и стержня составного рыболовного крючка. Подобная скульптура встречена в Прибайкалье впервые.

Таким образом, все рассмотренные антропоморфные и зооморфные скульптурные изображения отличаются большой стилизацией при передаче основных определяющих деталей образа. По сюжету и общей трактовке образов рассмотренные фигуры сближаются с глазковскими.

В.А.Чижов
Читинский государственный
педагогический институт
им.Н.Г.Чернышевского

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК У СЕЛА МОЛОДОВСК

В настоящее время на территории Забайкалья имеется ряд изученных неолитических могильников и отдельных погребений.

Летом 1974 г. Читинским археологическим отрядом раскопан новый неолитический могильник у с.Молодовск, Сретенского района. Могильник расположен на крутом склоне сопки у западной окраины села, в устье небольшой р.Онохтыча, впадающей в Шилку.

Было вскрыто шесть неолитических погребений. Кладки вытянутой овальной формы, ориентированы на север. Такую же ориентацию имели и костяки (изредка с небольшим уклоном к западу). Из 6 вскрытых погребений только 2 оказались полностью сохранившимися (№2, №6), остальные частично, либо полностью разрушены. В сохранившихся захоронениях костяки лежали на боку с сильно подогнутыми ногами. Погребение №2 - коллективное (4 костяка).

Костяные орудия представлены двусторонним вкладышевым ножом, односторонним на кончиком гарпуна, фрагментом такого же гарпуна и 2 обломками составных орудий. Все костяные изделия тщательно обработаны.

В каменном инвентаре могильника имеются проколки, тесло, вкладышевые пластины, скребки, нуклеусы.

В могильнике богато представлены различные поделки, применявшиеся в качестве украшений: пластины, кольца из кости и раковин, нефритовое кольцо, раковинные пуговицы, подвески, бусы.

Изученные погребения ближе всего по характеру с группами китайско-глазковских погребений Прибайкалья. Их сближает, в общем, обряд захоронения, характер инвентаря. Но в то же время молодовский комплекс не повторяет материал прибайкальских погребений. Различие наблюдается в характере орнаментальных мотивов костяных поделок, не характерных для Прибайкалья, наличия составных орудий из кости - гарпунов-ножей и полушиаровидных пуговиц из раковин, предшествующих аналогичным изделиям забайкальской бронзы. Это свидетельствует о существовании в Забайкалье иной по характеру неолитической культуры, которая при общем сходстве с сибирскими и прежде всего прибайкальскими культурами имеет своеобразные и самобытные черты.

Е.В.Ковычев
Новосибирский государственный
университет

БУРХОТУЙСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С РЕКИ ШИЛКИ

Летом 1974-1975 гг. Читинским археологическим отрядом исследованы два могильника бурхотуйской культуры в бассейне р.Шилки. В первом могильнике, расположенном на окраине с.Молодовск (в устье речушки Онохтыча) вскрыто 10 погребений, во втором - близ с.Ломы - 2 погребения.

Погребения имели курганный форму, выраженную на поверхности плотными каменными выкладками диаметром от 2 до 4-х м. Глубина погребений от 80 до 140 см. Погребенные лежали в узких могильных ямах на скальном материке; реже (Онохтыча, №3) на специальном каменном ложе, выложенном плоскими плитками сланца. Поза погребенных различная: большинство из них захоронено на спине, в вытянутом положении (нередко с руками, отброшенными в левую сторону) или на левом боку. В трех погребе-

ниях (Онохтыча, №10; Ломы, №1, 2) умершие захоронены на левом боку с согнутыми в коленях ногами.

Эти погребения составляют особую группу среди памятников бурхотуйской культуры. Их отличает помимо формы трупоположения и иная ориентация по сторонам света (головой на север-северо-восток, в то время как основная масса бурхотуйских погребений ориентирована на запад и северо-запад), а также своеобразие погребального инвентаря. Многие формы предметов из этих погребений (трахлопастные наконечники стрел, медные щитковые пряжки, украшения сбруйных рамней и узды) живо напоминают аналогичные изделия из тюркских курганов Западного Забайкалья и Южной Сибири. В последнее время такие же погребения были исследованы нами и в других районах Забайкалья.

Инвентарь остальных погребений находит себе ближайшие аналогии в инвентаре бурхотуйских памятников центрального и юго-восточного Забайкалья. Следует отметить прежде всего горшковидные глиняные сосуды и сосуды с поддонами, украшенные налепными валиками и насечками; костяные и железные наконечники стрел, ножи, серьги, браслеты, бусы, пронизки и т.д. Среди них имеются также украшения, изготовленные из золотых раскованных пластинок, аналогичные пластинкам из погребений могильника "Дворцы-І", а также железные кованые удила с прямыми пластинчатыми псалиями.

Инвентарь погребений находит себе прочные аналогии в материалах мохэских могильников Среднего Амура и в тюркских памятниках Монголии и Южной Сибири, - т.е. в хронологическом отношении он укладывается в рамки УІ-УІІІ вв. н.э.

Раскопанные погребения характеризуют собой одну из малоизученных страниц железного века бассейна р.Шилки, связанную с проблемами этногенеза забайкальских племен в I тыс.н.э. Интересны они еще и потому, что в этом районе проходила контактная зона степных и лесостепных культур восточнозабайкальских кочевников с оседло-земледельческими культурами Приамурья и Приморья. Характер их взаимоотношений до сих пор остается невыясненным, однако материалы по этому вопросу накапливаются довольно быстро. Наибольший интерес в этом отношении представляют исследования Ю.С.Орлова, вскрывшего в течение последних десяти лет большую группу памятников в бассейнах рр.Нарчи и Куэнги. Уже сегодня становится ясным, что основная часть их

принадлежит одной из групп шивэйского этнического комплекса, скорее всего, тем из них, которые, по сообщению китайских источников, говорили на языке близком языку кумоси и киданей.

Накопленные материалы позволяют говорить и о том, что материальная культура местных племен послужила базой для складывания позднейших культур этого региона в монгольское и послемонгольское время. Обращают на себя внимание погребения, исследованные Читинским археологическим отрядом в бассейне р.Аргуни у с.Кайластуй (М.В.Константинов), в которых обнаружены сосуды, идентичные сосудам из бурхотуйских погребений с р.Шилки, а также на сходство погребального инвентаря некоторых из шилкинских погребений (курган №32, могильника Сырая Сосновая) (Ю.С.Орлов) с инвентарем погребений ундугунской культуры, исследованных в бассейне р.Ингоды и на оз.Ундуган. Это относится, прежде всего, к большой группе костяных изделий, украшенных "кружковым" орнаментом с точкой посередине и некоторым другим предметам.

Думается, что дальнейшие исследования в этом районе выявят новые группы памятников, идентичные погребению из пади Сырая Сосновая и позволят проследить весь процесс становления и развития местных культур в конце I-го - начале II-го тыс. н.э. Важное значение при этом приобретают те особенности погребального обряда и инвентаря, которые выявлены уже сегодня.

В.Ф.Немеров, Г.З.Белькова,
С.Д.Шадрин
Читинский государственный
педагогический институт
им.Н.Г.Чернышевского

МОГИЛЬНИК ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ У СЕЛА ЗУГМАРА

Вопрос о культурно-историческом развитии племен лесостепной зоны Западного Забайкалья в эпоху развитого железа, впервые был поставлен работами Ю.Д.Талько-Грынцевича. Им же была дана первая периодизация раскопанных погребений. Продол-

жением археологических изысканий Ю.Д.Талько-Грынцевича явились работы Г.П.Сосновского, хронология позднекочевнических захоронений которого не утратила своей значимости и в наши дни. В течение 15 лет производилось обследование и раскопки могил У-ХIУ вв. Е.А.Хамзиной, материал которых был обобщен и опубликован в 1970 г.

Все эти работы не выходили, как правило, за пределы Бурятской АССР. Западная же часть Читинской области, до недавнего времени оставалась белым пятном на археологической карте края. Только в 1969 г. в долине р.Хилок, у станции Жилхаген было обнаружено первое погребение поздних кочевников, аналогичные захоронения были отмечены и у с.Усть-Обор (М.В.Константинов).

Могильник Зугмара открыт в 1975 г. Он располагается на левом берегу р.Хилок, в устье р.Зугмара, в 1,5 км от одноименного села, на сопке Эхо. Вскрыто 10 погребений. Все они курганного типа, сконцентрированы в небольшом ложке, по склонам (одно захоронение находилось на вершине сопки). Шесть могил разделены на две цепочки, по три в каждой, и вытянуты с севера на юг. Остальные разбросаны по бортам ложка. На поверхности они отмечены каменной кладкой округлой, в одном случае подквадратной формы, диаметром от 2 до 5 м. Мощность кладок в центре колеблется от 30 до 45-50 см. Все надмогильные сооружения сильно задернованы.

Четыре кургана из десяти раскопанных оказались ограбленными в древности. В двух из них (могила №2 и могила №9) удалось найти лишь фрагменты жертвенных косточек, несколько угольков и кусочков бересты. В следующем (могила №4) находился сильно потревоженный скелет ребенка. Судя по сохранившимся костям он лежал на спине, головой на восток. Положение рук не выясняено. Сразу за черепом была поставлена трубчатая кость животного. В могиле №5 на месте черепа лежала овальная серьга из бронзовой проволоки с разомкнутыми концами. Рядом с костями голени найдено несколько кусочков сварившегося железа. Сам костяк покоялся на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток.

Остальные погребения были не потревожены. В одном из них на глубине 90 см, в колоде, находился костяк мужчины (могила №3). Он лежал на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Около

черепа вертикально поставлена жертвенная кость. Здесь найдены: берестяной колчан с железными наконечниками стрел типа монгольских срезней, обломки железного однолезвийного ножа с черешковым насадом, железное шило и роговая фигурная накладка на лук. Костяк ориентирован головой на восток. В следующем кургане (№6) скелет лежал на левом боку со слегка согнутыми ногами, черепом на север. В могиле находился берестяной колчан с костяными наконечниками стрел. Все они уплощенно-ромбической в сечении формы, с плоским насадом. Здесь же лежал железный крючок, прикрепляющий колчан к поясу. За черепом находились два жертвенные кости. В погребении №8 костяк покоялся на спине, с согнутыми в локтях иложенными на таз руками, головой на северо-восток. Здесь найдены: костяная накладка на лук, железный и костяные наконечники стрел, один из которых массивный трехгранный, с цельно-выделанной с паром свистункой. Остальные уплощенно-ромбической в сечении формы, с плоским насадом. Около черепа вертикально была поставлена трубчатая кость животного. Одно погребение женское. В отличие от других захоронений оно располагалось на вершине сопки. В погребальный инвентарь входили костяная цилиндрическая игольница с железной иголкой и каменный бочонковидный наперсток из кварцита. Ориентировка костяка - северная. Он покоялся на спине, ноги вытянуты. Левая рука согнута в локте иложена на нижние ребра грудной клетки. Правая вытянута вдоль тела. В одном кургане (№1) скелет положен головой на запад. Здесь найдены каменная и костяная бусины, фигурная бронзовая подвеска, железный однолезвийный нож, медное кольцо и 5 медных полуколец, предназначенных, по-видимому, для нашивки на одежду. Здесь же находилась железная пряжка с язычком. В последнем погребении костяк ориентирован на северо-восток. Скелет подростка был обильно засыпан углами. На шейных позвонках лежал деревянный ножичек - игрушка.

Таким образом, в погребениях встречены разнообразный погребальный обряд и разновременные вещи. Поэтому говорить о времени сооружения могил пока трудно. Предположительно их можно отнести к первой половине II тыс. н.э. Только дальнейшие исследования смогут дать ответ на вопрос о датировке зугмарского могильника.

Н.Н.Кочмар

Якутский государственный
университет

ПЕТРОГЛИФЫ ОЛЕКМЫ

Наскальные изображения Олекмы попали в поле зрения исследователей еще в конце XIX в. (Н.А.Виташевский). Затем они были осмотрены в 1958 г. С.И.Николаевым (Якутский филиал СО АН СССР). Однако, наиболее полное изучение петроглифов начато с 1969 г. работами археологического отряда Якутского госуниверситета.

Описываемые петроглифы находятся в местности "Баасынай", на левом берегу р.Олекмы в 312 км от ее устья. Второй пункт с петроглифами находится в устье р.Крестях - правого притока р.Олекмы.

Все изображения, кроме одной гравировки (Крестях), нанесены красной охрой. Основным сюжетом писаницы являются антропоморфные фигуры и промысловые звери, среди которых, как и на других таежных писаницах Евразии, наиболее часто встречается изображение сохатого.

Древнейшими на рассматриваемых писаницах являются два реалистических изображения сохатых (Крестях), обнаруживающие большее сходство с неолитическими изображениями лосей Средней Лены и Ангары. Все многофигурные композиции писаницы "Баасынай" датируются бронзовым веком. К этому же времени относятся изображения фаллических антропоморфных фигур и животного в "скелетном" стиле (Крестях). Все остальные рисунки писаницы Крестях, не имеющие характерных признаков для их датировки, могут быть отнесены к раннему железному веку. Критерием определения их возраста послужили находки костяных наконечников стрел из жертвоприношений. Найдки каменных и костяных изделий у писаницы Крестях свидетельствуют о том, что эти места почитались в древности как священные.

Наскальные изображения р.Олекмы обнаруживают большую близость к петроглифам Лены и Ангары. По-видимому, основной причиной их сходства является не простая конвергенция, присущая петроглифам, а нечто глубинное, генетическое.

С.Н.Алаев

Иркутский государственный
университет им. А.А. Жданова

НОВОЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ИГЕТЕЙСКИЙ ЛОГ

В 1975 г. Братским палеолитическим отрядом проводились разведочные работы в районе Осинского расширения Братского водохранилища. Во время осмотра и зачистки береговых обнажений, в пачке ложковых отложений, в кровле слоя (определенной каргинским возрастом) было обнаружено угольное пятно, а также фрагменты кости.

При дальнейшей зачистке были обнаружены многочисленные костные остатки лошади, 2 обломка изделий из кости, отнесенные к категории острий, фрагменты пластин, отщепы. Кроме того, было найдено 2 фрагмента кости; на поверхности одного обнаружена своеобразная затертость, которую можно принять за шлифовку, а на другом фрагменте - параллельные прочерченные полоски явно искусственного происхождения.

Для выяснения стратиграфической ситуации и определения перспективности археологических работ ложок был рассечен транш, заложенной в 50 м выше обнажения, вкрест ориентации ложка, в створе с зачисткой:

Археологический материал зафиксирован в диапазоне глубин 2,25-2,65 м в толще переслоенных супесей, песков и суглинков тёмно-коричневого, белесоватого, оранжевого цветов, отнесенных к каргинскому времени. Сверху толща перекрыта прослойем мелкого золового песка, подстилающего толщу плотных, оглинистых карбонатизированных лессовидных суглинков белесовато-серого цвета.

Основными находками были двуплощадочный монофронтальный микронуклеус и кирка из рога северного оленя.

Найденный материал и стратиграфическая ситуация позволяют говорить о том, что найдено чрезвычайно интересное местонахождение, требующее тщательного и всестороннего исследования.

Т.В.Алаева

Иркутский государственный
университет им. А.А. Жданова

НОВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ПО ГЕОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ АЛЕУТСКИХ ОСТРОВОВ

Статья Р.Ф.Блэка "Геология и древние алеуты о-вов Амчитка и Умнак" (*Arctic Anthropology*, vol XI, no 2, 1974) концентрирует внимание на геологических событиях позднего отдела четвертичного периода Алеутских о-вов. В качестве примера Блэк берет наиболее крупные о-ва Амчитку и Умнак, данные по геологии которых дают возможность получить более четкое представление об окружающей среде позднего отдела четвертичного периода.

На базе относительно ограниченной информации автор заключает, что заселение центральных Алеутов - Амчитки произошло, возможно, ранее максимума оледенения во время позднего Висконсина, которое захватило восточные Алеуты и п-ов Аляску около II 000 л.н.. Автор не предполагает присутствие здесь людей до этого времени, хотя упоминает предположение Мюллер-Бэка, что предки американских индейцев впервые пересекли Берингию приблизительно 28-26 000 лет назад, "возможно были еще более ранние вторжения", и что позднее (13-10 000 л.н.) ориньякоидные группы дали начало эскимосам и алеутам.

О-в Амчитка и о-в Умнак имеют совершенно различную четвертичную историю. На Амчитке не наблюдалось в это время вулканических явлений, но отчетливо видно, что происходили многочисленные поднятия, сбросы и длительные иррегулярные вертикальные смещения в пре-, ранне- и средневисконсинское время. На Умнаке тектонизм был менее частым и важным, чем вулканические извержения.

Оба острова пережили оледенения, охватившие всю территорию за исключением, возможно, самых высоких вулканических пики Умнака, но датировка на Умнаке гораздо более поздняя.

Побережная эрозия была быстрой на обоих островах, но локальная геология Анангулы дает объяснение ее сохранения. Анангула была защищена от больших волн заливом и случайно откло-

нившимся к морю лавовым потоком, который свел до минимума подрезание.

Некоторые острова не были покрыты льдом в висконсинское время и климат их был примерно таким же, как сейчас. Только средняя годовая температура воздуха была на 4°С, а 1-2°С.

Большая часть юго-запада Амчитки и многие другие низкие острова должны были быть обитаемы от средне-висконсинского времени до наших дней. Тем не менее, Уннак стал пригодным для заселения людьми только спустя несколько тысяч лет (примерно 2,5-3 тыс. л.) после большого оледенения, которое закончилось примерно 11 000 л.н. Немного времени спустя, длительное извержение вулкана Окмок, северо-восток Уннака, сделало оккупацию весьма кратковременной, "...древние Алеуты мигрировали на центральные Алеуты, впервые заселив эту область".

Геологические данные позволяют Блэку предположить, что заселение стоянки Анангула (8400 л.н.) продолжалось несколько тысячелетий или веков, в течение промежутков между сериями вулканических извержений, которые оставили несколько сантиметров пепла на стоянке с очень слабыми органическими горизонтами. В течение того же времени много десятков метров щебня, пепла, лавы отложилось на северо-востоке Уннака. Блэк определяет, что Анангула была заселена людьми, двигавшимися на запад после дегляциации послевисконсинского ледяного панциря, а не людьми, двигавшимися на восток после тысячелетней изоляции на центральных и западных Алеутах. Самые первые поселенцы Анангулы должны были иметь морскую ориентацию. Почти непрерывные извержения вулкана Окмок в это время уничтожили пищевые ресурсы людей, двигавшихся на запад.

В.С.Лафлин считает, что культура пластин Анангулы связана генетически с культурами Азиатского материка. При этом культура пластин шла из Азии своим путем, отличным от того, которым распространялись люди севернее, на Аляску.

С нашей точки зрения идея восточного, стало быть континентального, происхождения Анангульской культуры, поддержанная А.П.Окладниковым, В.П.Алексеевым, Р.С.Васильевским, В.С.Лафлиным и др. очень интересна. Другой вопрос, пришли ли эти люди на полуостров Аляску из "тихоокеанской" области, которая включает районы Нижнего Амура, Приморья, Хоккайдо, Сахалин и Камчатку, или они проникли из внутриконтинентальных районов, объе-

диняющих Монголию, Забайкалье, Верхний Амур, Приангарье, бассейн Алдана.

Вряд ли гипотезу движения людей по маршруту "Хоккайдо-Курильские острова-Камчатка", поддерживаемую Васильевским, можно считать правдоподобной. Более вероятным кажется предположение Р.Морлана, что люди шли по Карийскому коридору, у основания Камчатки, на Чукотку и дальше, через Берингов мост.

Есть основания предполагать, что население Анангулы находилось в процессе адаптации к новым условиям жизни, а не было специализированными морскими охотниками.

Н.М.Георгиевская
Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ПАЛЕОЛИТУ ЮЖНОГО КИТАЯ

Данное сообщение представляет собой анализ статьи американского археолога Джин Айнер "Археологические остатки плейстоценового времени в Южном Китае", опубликованной в журнале *Astan perspectives, vol XVI, no 1, 1974*. Предметом статьи явились археологические памятники Южного Китая (рис.). При рассмотрении местонахождений (всего их 19) автор опирается в основном на сообщения китайских археологов. Описанные материалы собирались в течение двух последних десятилетий. Эта работа представляет для нас определенный интерес, так как в советской археологической литературе еще нет обобщающих материалов по находкам в Южном Китае за этот период.

Приступая к анализу статьи нужно учесть, что материал мы получаем по сути дела из третьих рук и поэтому к выводам по этой работе нужно подойти с известной осторожностью. Первое, что необходимо отметить, и что, по нашему мнению, составляет существенный недостаток, так как делает затруднительным полную характеристику памятников, а также не дает возможности проследить связи между районами, - это отсутствие детального описания каменной индустрии, что как раз и представляется для нас наиболее интересным. Винить в этом упущении автора вряд ли

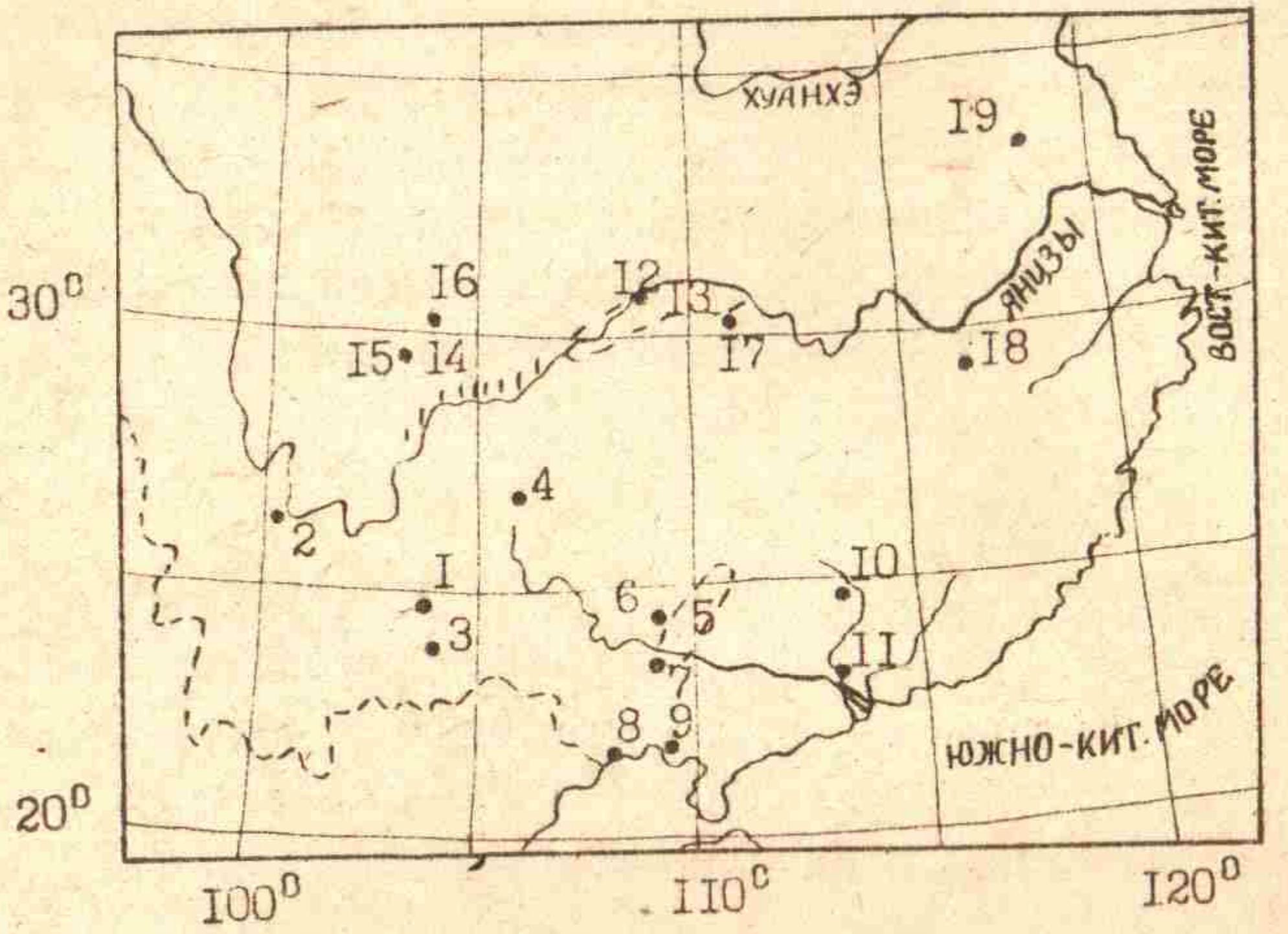

Рис. Местонахождения плейстоценового возраста
в Южном Китае

- YUNNAN:** 1. Pap'an sites near Panch'iao, Lunan, Ch'ii-ching District;
2. locality 6003 near Lichiang, Li-chiang District;
3. Ch'uipai rock-shelter/Heichinglung, Wen-shan Chuang-Miao Region.
- KWEICHOU:** 4. Ch'ienhsia, Pi-chieh District.
- KWANGSI:** 5. Caves between Laipin, Lin-chou District, and Hsingan, Kuei-lin District;
6. Liukiang-Linchiang, Lin-chou District;
7. Laipin/Chilinshan, Liu-chou District;
8. Ya pushan and Malangchi, Tuhahsing, Ch'in-chou District;
9. Lingshan, eastern Chinchou District.
- KWANGTUNG:** 10. Mapa, Ch'uchiang, Shao-kuan District;
11. Hsich'iaoshan, Nankai, Fo-shan District.
- SZECHUAN:** 12. Yenchingkou, Wanhsien, Wan-hsien District;
13. between Ich'ang, I'ch'ang District and Chungking, Ch'ung-ching Municipality;
14. station from Ch'ungch'ing west on the terraces of the Yangtze, Min and Yalun;
15. Fulin-Hanyilian, Ya-an District;
16. Tzeyang, Nei-chiang District.
- HUPEH:** 17. Lungtung cave near Hsiachungchiawan, I-chang District.
- KIANGSI:** 18. Yungshan cave north of Loping, near the junction of the boundaries of Shang-Jao District and Ching-te-Chen Municipality.
- ANHUI:** 19. Hsiaotsaowan, Ssu-hsien District.

вильно. Скорее всего, это результат или недостатка информации со стороны китайских ученых из-за низкого качества раскопок, или недостаточного использования результатов исследования. В частности, можно указать на перечисление находок без их характеристики (местонахождения 3, 7, 8, 12), а иногда встречается лишь упоминание о коллекции с определенным количеством предметов без их перечисления (13, 14). Лишь при описании одного памятника более или менее детально характеризуются каменные изделия (1).

Что касается общей характеристики местонахождений, то в 12 из них (1, 3, 4, 7, 8, II-16, 18) содержатся каменные предметы: рабочие и неиспользованные отщепы (в местонахождениях I, 4, 5 их больше 100); нуклеусы (1, 15); галечные рубила, ножи, чопперы (1, 3, 8, II, 15). В двух случаях (I, 4) указан материал, из которого изготовлены предметы — кремень, кремнистый сланец, халцедон, редкие экземпляры из кварца и кремнистого песчаника.

В девяти местонахождениях (из 13, включающих костные остатки) найдены фрагменты человеческого черепа и скелета. Подробная их характеристика, данная в работе, несомненно представляет значительный интерес для антропологов. Большинство китайских ученых рассматривают человеческие остатки как чистого монголоида, но в некоторых случаях отмечают австралоидные черты.

Фауна, в основном, включает остатки стегодона восточного, носорога китайского, олена, быка, тапира, дикого кабана, медведя. Интересны два случая присутствия в коллекциях костяных изделий: костяное шило из местонахождения 16 и орудие из рога оленя (12).

Что касается мест нахождения, то 9 памятников (3-7, 9, 10, 17, 18) — пещерные, 2 (II, 19) — найдены на поверхности, 6 (2, 8, 13-16) — в слое и 2 (I, 12) — на поверхности речных террас. Стратиграфия местонахождений (за исключением 16-го) отсутствует. В некоторых случаях указывается лишь порода, в которой найдены археологические материалы.

Отсутствует детальное описание единичных случаев керамики (5, 8, 9). Китайские ученые, работавшие в этих районах относят керамические остатки к раннему голоцену или мезолиту, однако, автор склонна поддерживать мнение большинства ученых,

работавших в Юго-Восточной Азии, о том, что гончарное производство присутствует в позднем плейстоцене, согласно геологическим и палеонтологическим данным.

Проблему составляет датирование вообще всех Южно-Китайских памятников. При датировке в качестве решающих аргументов китайские ученые приводят наличие определенной фауны. На основании геологических данных датируются лишь три местонахождения (I, I3, I4). Но убедительность датировки на основе фауны не вяжется со ссылкой на то, что слои с костными остатками часто нарушены, в частности, в связи с поисками "костей дракона". По мнению автора - датирование верхним плейстоценом наиболее убедительное.

Описательный раздел своей статьи автор заключает некоторыми выводами о том, что вновь открытые материалы из Южного Китая, датируемые средним и верхним плейстоценом, представляют скорее коллекции отщепов, чем галечных орудий. Кроме того, они имеют тенденцию залегать в западных гористых частях, хотя и не все. Комплексы галечных орудий в Южном Китае обнаружены в основном в субтропических пещерах и не всегда связаны с грубой керамикой и ракушечными остатками.

Интересна затронутая в статье дискуссия относительно подобия южно-китайских археологических находок - памятникам Бирмы и Явы. Автор опровергает это предположение и в доказательство указывает на несоответствие компонентов "тяжелых" орудий в обоих случаях и разную технику их изготовления.

Автор отмечает, что с мезолитом Южного Китая тесно связана хаобинская культура Индокитайского полуострова, и первый можно рассматривать как региональный вариант культуры *Noaibinian* и в то же время указывает на натянутость утверждения этих связей, что является результатом несовершенства типологии.

Рассматривая в общем эволюцию культуры Юго-Восточной Азии автор указывает на основные ее тенденции - возрастание числа орудий и отщепов модифицированной формы, уменьшение размеров изделий и увеличение процента изделий типа "конце-

вых скребков". В конце плейстоцена начинают появляться новые элементы - небольшие ножи из отщепов, четырехугольные тесла и, очевидно, жгутовая керамика.

А.В.Волокитин

Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

К ПРОБЛЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Данное сообщение, не претендую на абсолютную полноту, излагает взгляды ряда американских исследователей на проблему типологии и методы классификации археологического инвентаря, в частности керамики.

В американской археологии существуют две школы, придерживающиеся диаметрально противоположных точек зрения на то, что такое тип.

Представители одной школы считают, что тип есть некая произвольная модель, искусственное создание классификатора, инструмент изучения непрерывно развивающейся материальной культуры (*Phillips, Ford, Griffin*).

Представители второй полагают, что тип действительно существует в фактических данных. Используя подобное понимание типа, группа создателей типо-вариационного метода (*Smith, Willey, Gifford*) считает, что керамический тип является представителем культурного феномена. Вводится более мелкая категория - вариация (*variety*), являющаяся индикатором оригинального керамического проявления индивидуальной или малой социальной группы культурного феномена. Наиболее полное обоснование метода дает Гиффорд с точки зрения психологии, биологии и эстетики.

Шепард считает эти две точки зрения понимания типа крайними позициями. Однако она заявляет, что нужно стремиться к введению тех критериев, которые приближали бы керамический тип к культурной сущности. Такие критерии Шепард видит, по-преимуществу, в технологических признаках. По ее мнению, определение кера-

мического типа, как керамики, произведенной людьми, использующими одинаковый материал и методы, находившимися под влиянием одной и той же стилистической традиции и использовавшими керамику для одних и тех же целей, не признается из-за невозможности выделить подобные категории методами, используемыми в настоящее время. Несмотря на это, такой тип (Шепард называет его "культурным") был бы полезен даже для исследователей, работающих над периодизацией определенных культур.

Ирвинг Рауз различает типы исторические и описательные. Первые имеют пространственно-временное значение. Вторые определяют только природу изделия. Кроме таксономической классификации (дифференциация коллекции по типам). Рауз предлагает аналитическую классификацию — создание классов относительно "традиций" (*mode*). Традиция определяется как стандарт, идея и обычай, которые управляют поведением мастеров общины. Отражается она в классификации как признак (*attribute*). Традиции подразделяются на два вида: "процедуральные" — обычаи изготовления и применения и "понятийные" — выбор материала, формы и орнаментации. Аналитическая классификация, являясь самостоятельной, предваряет, тем не менее, таксономическую. Таким образом, тип определяется как комплекс традиций, который является диагностичным для определенного класса изделий и служит для отличия этого класса от других. Комплекс выбирается, судя по обстоятельствам, и должен содержать не менее двух, но не все, традиций. Существует несколько путей классификации изделий. Первый — последовательное деление коллекции по признакам. Другой путь — статистический — перфокартирование. Трудности во всех случаях, по мнению исследователя, возникают во всех случаях при решении вопроса о количестве диагностических традиций-признаков.

Спэлдинг в вопросе об археологических категориях ограничился только рассмотрением эмпирических данных. Археология определяется как изучение взаимосвязей формы, пространства и времени. Определение типа связывается с предположением, что группа скоплений изделий, обладая высокой степенью формального сходства, будет обычно показывать компактное группирование в пространстве и времени.

В области формальной классификации проявляется три возможности: 1) коллекция может характеризоваться подсчетом каждого формального признака (признаки количественные и качественные);

2) может быть произведен подсчет идентичных характерных комбинаций признаков; 3) изделия могут быть классифицированы в рамках пучков признаков. Это достигается математическим оперированием данными, выявленными в классификациях первого и второго видов.

Классификации в рамках пучков признаков придерживается также Хэммонд. Он подвергает сомнению тезис Гиффорда и др. о том, что типы и вариации являются реальностью внутри культурной конфигурации, откуда они произошли, хотя такая формулировка не отрицается для более высоких уровней керамического анализа. Взамен монотетического (*monotheic*) понимания керамической группы (где обладание всеми признаками обязательно для каждого предмета) Хэммонд предлагает трактовку группы как политической (*polytheic*) системы признаков, внутри которой обладание каким-либо одним признаком ни достаточно, ни необходимо для члена группы.

Эквиваленты типов могут быть выделены внутри группы как постоянно повторяющиеся комбинации признаков.

В.Н.Соколов

Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОКЕАНИИ

Этнографические сообщения и, в частности, сведения об изготовлении глиняной посуды, играют немалую роль в изучении керамического производства. Такие исследования несомненно важны и полезны, т.к. предоставляют фактический материал, основанный на непосредственных наблюдениях и дают возможность более ясно представить процессы керамического производства в первобытном обществе.

Наиболее исследованы в этом отношении районы Океании, где почти в первобытном виде сохранились многие ремесла, в том числе и производство керамики.

Среди первых исследователей Океании следует отметить русского этнографа Н.Н.Миклухо-Маклая, изучавшего в конце XIX в. население одного из районов Папуасской Новой Гвинеи, названного впоследствии берегом Маклая. Он отметил три основных момента в изготовлении ёмкостей: во-первых, формирование горловины будущего сосуда; второй момент, когда к горловине прикрепляются стакки; третий — техническая обработка изготовленной ёмкости, или оббивка, в которой и заключается суть техники выколачивания.

В 1971 г. изучением керамического производства на берегу Маклая занимался Н.А.Бутинов, один из членов этнографической экспедиции Академии Наук СССР, который не только подтвердил, но и значительно дополнил описание Маклая. Действительно, изготовление сосуда начинают с изготовления горловины ("в глиняном шаре проделывается отверстие, которое затем расширяется"). На горловине делают венчик. Затем горловину соединяют с другим куском глины, и, наконец, гончар, держа внутри руку с камнем, ударяет снаружи деревянной дощечкой, придавая сосуду нужную форму. Затем идет орнаментирование, сушка и обжиг.

Среди зарубежных этнографов и археологов, исследовавших районы Океании, следует отметить Питера Лаузера, лектора музея антропологии Квинслендского университета, изучавшего в 1968 г. технические приемы изготовления керамики на северо-западе Папуасской Новой Гвинеи. Исследования проводились в общинах, населяющих северо-западную часть территории Папуа и островов Гуденоугх, Фергюссон, Норманби и группе Амплеттских островов. Здесь автором было обнаружено два основных способа изготовления керамики — техникой выколачивания и спирально-кольцевым методом, но процесс изготовления сосудов первым методом иной, чем на берегу Маклая. На островах Гуденоугх и Фергюссон построение сосуда начинают с того, что на ровном камне укладывают два толстых рулона глины, соединенных концами в форме круга. Эти рулоны затем вытягивают и обжимают вверх и к центру до тех пор, пока сосуд не будет готов. Но заканчивается процесс тем, что одну руку с камнем держат внутри изготовленной ёмкости, а другой с дощечкой обрабатывают поверхность сосуда, добиваясь желаемой формы. Время изготовления одного сосуда 5,3 часа.

Сpirально-кольцевой метод, зафиксированный в группе Амплетт и на о-ве Норманби, состоит в том, что построение сосу-

да начинают со дна, укладывая тонкие рулоны глины так, чтобы каждое кольцо перекрывало следующее ниже первого. О том, что делается дальше, не говорится, но можно предположить, что и здесь процесс изготовления заканчивается обколачиванием и за-глаживанием сформированной ёмкости. На изготовление сосуда, в зависимости от его размеров, идет от 4 до 7 часов работы.

После изготовления сосуды подсушиваются, орнаментируются, еще раз подсушиваются и, наконец, обжигаются. Особенностью исследования Лаузера является то, что при изучении обжига он для определения его температуры использовал пирометр. В первом случае обжиг длится около 16 минут и наиболее высокая температура достигает 830°C , во втором случае обжиг длится 62 минуты, а наиболее высокая температура $- 920^{\circ}$ достигается только через 20 минут после начала обжига. Такая разница во времени объясняется использованием разного топлива. В первом случае это высушенные сучья саговой пальмы, во втором случае — кустарник и листья кокосовой пальмы.

Хотя сосуды изготавливают на ряде островов, но основные поставщики — гончары группы Амплетт. Они ежемесячно совершают торговые поездки на каноэ к о-вам Фергюссон и Гуденоугх, везя для обмана 350 сосудов, на которые выменивают 3000 кг плодов. Это большая цифра, так что подобная торговля имеет взаимовыгодную основу.

Вообще, поставщиками керамики в Океании являются, в основном, гончары небольших островов, которые в свое время в силу природных и географических условий вынуждены были заниматься ремеслами, выменивая затем продукты своего ремесла на съестные припасы. У Маклая это Ямбомба и Били-Били, у Лаузера — о-в Гуденоугх и группа о-вов Амплетт. На материке общины, занимающиеся чисто ремеслами, редки, и это в основном переселенцы, мигрировавшие в разное время с различных островов. Сейчас в этих районах гончарство менее интенсивно, чем раньше, что объясняется появлением большого количества европейской алюминиевой посуды, которая более прочна и надежна в употреблении. Так, Лаузер, произведя подсчеты в 524 домашних хозяйствах, выяснил, что на 1548 глиняных сосудов приходится 1099 алюминиевых. Но местное гончарное производство не только не исчезает, а становится более интенсивным, что, видимо, связано со стремлением коренного населения постоянно развивать и сохранять свою самобытную традиционную культуру.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Медведев Г.И. Проблемы исследования палеолита на юге сибирского плоскогорья	3
Алаев С.Н., Бердников М.А., Медведев Г.И. Новые находки палеолитических изделий в Ангаро-Осинском районе	5
Лежненко И.Л., Кононова Т.Н. Тартахон - новый памятник палеолитического возраста на Братском водохранилище	8
Гусейнов В.М.о., Есипов В.В., Шуньков М.В. Макарово III - памятник позднего палеолита на верхней Лене	10
Аксенов М.П., Шуньков М.В. Макарово IУ - новый палеолитический памятник верхней Лены	11
Гуляев В.М. Изделия из рога и кости в "раннемезолитических" культурных горизонтах стоянки Стрижова Гора	13
Лиханов С.И., Константинов М.В., Константинов А.В. Раскопки поселения Толбага в 1975 г.	16
Федурин В.М. Дворцы - стоянка древекаменного века	19
Сизиков А.М. О неотектонических критериях хронологического расчленения четвертичных отложений Прибайкалья	20
Гусак А.В. К археологической изученности долины Уды (Чуны)	22
Горюнова О.И., Кузьминский А.В. Керамические комплексы многослойного поселения Итырхей (Средний Байкал)	24
Н.А.Савельев, Генералов А.Г., Водокитин П.В., Смирнова О.Н. Керамические комплексы многослойного археологического памятника Казачка	26
Федюшин В.Я. Сосуд с крестообразным орнаментом со стоянки у д.Чадобец	30
Стрелова Е.А. Археологическая разведка в долине р.Нижняя Тунгуска летом 1975 г.	33

Михайлова Е.И. Стоянки Курунг и Большая Кюскэ на Олекме	34
Кузьминский А.В. Древний бытовой комплекс в Тункинской котловине	35
Стромилова Н.Н., Константинов М.В., Семина Л.В. Неолитические стоянки Хилка и Чикоя	36
Лиханов С.И. Древнее поселение Читкан	38
Петрова Н.А. Некоторые проблемы описания древних могильников	40
Смотрова В.И. Погребальный инвентарь могильника Шумилиха	42
Смотрова Г.И. Искусство малых форм могильника Шумилиха	43
Чижов В.А. Неолитический могильник у с.Моловской	45
Ковычев Е.В. Бурхотуйские погребения с р.Шилки	46
Немеров В.Ф., Белькова Г.З., Шадрин С.Д. Могильник поздних кочевников у с.Зулмара	48
Кочмар Н.Н. Петроглифы Олекмы	51
Алаев С.Н. Новое палеолитическое местонахождение Игетейский Лог	52
Алаева Т.В. Новая публикация по геологии и археологии Алеутских островов	53
Георгиевская Н.М. Новые сведения по палеолиту Южного Китая	55
Волокитин А.В. К проблеме археологической классификации в американской литературе	59
Соколов В.Н. Техника изготовления керамики по материалам этнографических исследований в Океании	61
	65

ИГУ. Зак. № 1469-200-76.